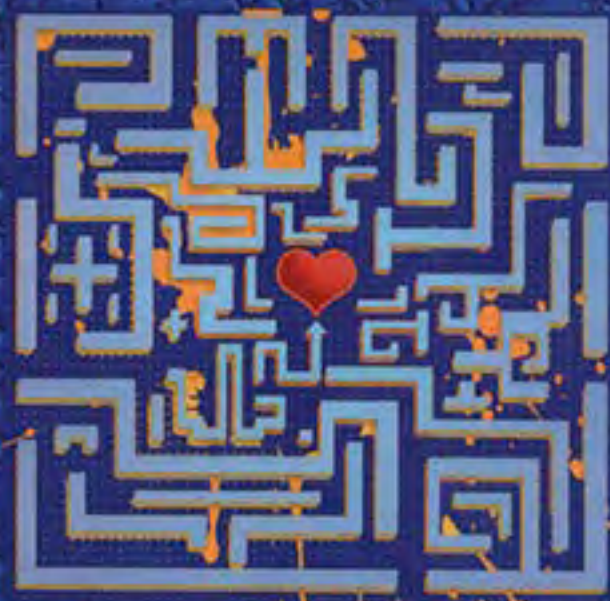

СЕРГЕЙ КАЛАБУХИН

ЛАБИРИНТ ЧУВСТВ

Избранное

Ярославль 2008

Сергей Калабухин

ЛАБИРИНТ ЧУВСТВ

Избранное

Ярославль 2008

ББК 84(2Рос-Рус) 6-4
УДК 82-312.9
К 67

К 67 Сергей Владимирович Калабухин.
“Автограф Гагарина”. Избранное –Ярославль.
ООО ИПК “Индиго”, 2008 – 108 с.

Это издание – юбилейное, выходит к 50-летию автора, и, по сути, является первой книжной публикацией его избранных произведений.

Несмотря на разноплановость их тематики, всем им присуща идея жажды познания окружающего мира, идея гуманизма. И это самая главная и самая сильная черта творчества Сергея Калабухина вызывает живой отклик читателя.

Книга выходит в Интернет-версии.

Ответственный за выпуск В. Колабухин

Печать ризо. Гарнитура Петербург.
Тираж 200 экз. Заказ № 52-12/08.

Издательско-полиграфический комплекс «ИНДИГО».
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

© С. В. Калабухин, 2008

I. ФАНТАСТИКА

Автограф Гагарина

День был испорчен. И надо же было нам поссориться из-за какой-то ерунды, пустяка. А ведь в кои-то веки выдалась у обоих свободная суббота. То у нас на заводе отработка, то у Наташки в институте что-нибудь важное.

Детский визг вывел меня из мрачной задумчивости. Впереди, на обочине тротуара, у забора школьного стадиона трое пацанов в синих школьных костюмчиках навалилось на малыша лет шести. Свернувшись в клубок, малыш непрерывно голосил. Первоклашки, сосредоточенно сопя, молча тузили свою жертву, стараясь развернуть визжащий клубок.

— Вы что?! — Шагнул я к ним.

— Дяденька, у него спички, — вскочили, отряхиваясь, агрессоры. — Он такой маленький, а у него целая коробка.

— Вас же трое, и вы старше. Октябрюта, называется!

— Таким маленьким нельзя спички, надо отобрать, а он не даёт.

Я поднял с земли малыша. Крепко зажав что-то в кулачке, тот спрятал его в карман коротких серых шортиков.

— Мне ты тоже не отдашь?

Размазывая по грязной мордашке слёзы и сопли, мальчик отрицательно покачал головой.

— Где ты живёшь? — Спросил я, заправляя ему в шорты клетчатую рубашонку, из коротких рукавчиков которой свисали тонкие, покрытые пылью и ссадинами ручонки.

Мальчик не ответил. Косясь на своих обидчиков, он старался держаться поближе ко мне.

— Вы его знаете? — обратился я к ребятам.

— Нет, он не из нашего района.

— Пойдём. — Я взял малыша за руку и повёл вдоль металлических кружев школьного заборчика. Трое первоклашек сожалеющими взглядами проводили уходящие спички и полезли через ограду на стадион. Вытерев платком зарёванную мордашку малыша, я спросил:

— А, может, поменяемся? Я тебе мороженое, ты мне спички, а?

— Нет, не могу.

— Ну, ладно, в такую жару и мне мороженое не помешает. Пломбира нет, есть только фруктовое. Ты любишь фруктовое?

Мальш пожал плечами. Мы сели на лавочку в тени осыпающегося снегом пуха тополя.

— Меня зовут Сергей, а тебя?

— Дублёр.

— Дублёр? Разве есть такое имя?

— Нет. Но меня зовут так, — жадно черпая палочкой из бумажного стаканчика быстро тающую розовую массу, ответил мальш.

— И кого же ты дублируешь?

— Олега.

— Это твой брат? Или друг?

— Это я. Настоящий я, там, дома. — с сожалением бросая опустевший стаканчик в урну, ответил мальш.

— А где твой дом? Я тебя провожу.

— Не получится, — улыбнулся мальш. — Вкусное мороженое, спасибо. Олег будет доволен: он никогда не пробовал такое.

Я достал сигарету.

— Выручай, Дублёр, у меня спичек нет. Подари мне свои.

— У меня тоже нет.

— Ну ты даёшь! А из-за чего же визг поднял?

Мальчик осторожно вынул из кармашка грязный спичечный коробок.

— Это, по вашему, машина времени.

Я засмеялся, прикурил у прохожего.

— Значит, ты путешествуешь во времени? Откуда же ты прибыл?

— Конечно, из каменного века! Дураку ясно, что машину времени изобрели пещерные люди. — хмыкнул Дублёр, смерив меня насмешливым взглядом.

Я подавился дымом и закашлялся.

— Слушай, мальш, я задал глупый вопрос, согласен. Но неужели в будущем все дети так грубят взрослым?

— Прости, не обижайся на меня, ведь я не человек, я дублёр. Дублёр первоклассника по имени Олег. Олегу надо сделать в школе доклад о первом космонавте Юрии Гагари-

не. Вот он и сматрицировал себя, создал меня и отправил в двадцатый век. Я здесь всё узнаю, сфотографирую, потом вернусь к Олегу, ап! И всё, что я узнал, переписется из моей памяти в его.

— Значит, твой Олег лентяй? Сам не хочет добывать знания, отправил тебя. Да ещё ошибся на четверть века!

— Да нет же! Это я ошибся: первый полёт, опыта у меня ещё нет. А Олег не лентяй. Просто человек не может сам путешествовать во времени, слишком опасно.

— И как же ты путешествуешь?

Мальчик перевернул коробок, и я увидел этикетку, на которой всеми тремя цветами сразу горел светофор.

— Если мне надо в прошлое, я нажимаю на зелёный кружок, если в будущее — на красный, желтый — точка старта: комната Олега.

— Здорово! И на каком же горючем работает твоя машина?

— Я же не человек, у меня в памяти только то, что разрешено инструкцией. У вас уже есть роботы? Значит, ты должен знать, что робот не может причинить вред человеку. Так и в меня вложены определённые ограничения. Превременные знания опасны. Могу сказать только в общих чертах, хочешь?

— Валяй, — кивнул я, ловя себя на жгучем желании поверить в то, о чём рассказывает голубоглазый сопливый карапуз, в выгоревшем чубчике которого застрял тополиный пух.

— Вон, видишь те качели? Вверх, вниз. Вот так и во вселенной материя переливается из одной точки в другую. Переливается в подпространстве из Чёрной дыры в Белую. Целые галактики могут провалиться в такую дырочку и вынырнуть незнамо где. Вот эту энергию мы и используем. Человек слишком сложен и непредсказуем в своих желаниях и поступках. Поэтому проще и безопасней посылать в подпространство — время его упрощённую копию, дублёра.

Крупные капли смачно шлёпнули об асфальт.

— Дождь начинается, — сказал я, вставая. — Пойдём, путешественник, ко мне. Перекусим чего —нибудь, лимо-

нада выпьем, а там опять солнце выглянет. Я вот здесь живу, на втором этаже, вон моё окно.

Согнувшись под шрапнелью дождя, мы пролетели двор и вскочили в подъезд. По инерции взбежав на первый этаж, я оглянулся. Мальчик стоял у дверей и держал в руке коробок.

— Ты что?

— Спасибо за помощь. Если б не ты, пришлось бы испугать ребят. Прощай!

Сверкнула в окне молния, задребезжали от грома стёкла. У дверей внизу никого не было. На подгибающихся, ватных, ногах я выскочил из подъезда. Дождь стоял сплошной стеной. По асфальту тротуаров неслись пенистые ручьи.

— Не видали мальчика, лет шести, в шортах и клетчатой рубашке? — Спросил я сидящих под козырьком подъезда старушек.

— Что ты, сынок! Вон их сколько по лужам носится, разве за всеми уследишь?

Как во сне я поднялся на второй этаж, открыл дверь.

— Где ты ходишь? — выглянула из ванной Наташка. — Я, как проклятая, кручусь целый день со стиркой, а он гуляет! Дождь кончится, пойдёшь вешать бельё. Кстати, тебе там открытка пришла.

Я прошёл в комнату, взял со стола открытку и задохнулся. С цветной объёмной фотокарточки на меня смотрел со своей обаятельной улыбкой Юрий Гагарин. На обратной стороне я прочёл:

"Сергею, с наилучшими пожеланиями, Гагарин."

И ниже: "Спасителю от Дублёра."

Встреча. XXII век

Председатель: Вы работаете в Космической Спасательной Службе?

Быстров: Да. Старший спасатель.

Председатель: Класс корабля и состав команды?

Быстров: Двухместный звездный катер «Смерч». Мой напарник-спасатель первой категории Анатолий Винер.

Председатель: Как вы узнали о аварии на «Сигме»?

Быстров: Мы как раз стартовали с Сиреновой. Только начали подготовку к Д – переходу, как бортовой компьютер сообщил о поступлении SOS. Мы сразу же послали рапорт на Базу о изменении курса и полученном аварийном сигнале.

Председатель: В полученной вами радиограмме указывался характер неисправности на «Сигме»?

Быстров: Нет. Это был просто SOS.

Председатель: Что вы обнаружили на «Сигме»?

Быстров: Командир «Сигмы» Петр Ярополк лежал в рубке на полу. Он был в состоянии клинической смерти. Десантника Кларка на корабле не оказалось. В каюте Ярополка мы обнаружили Ящера.

Председатель: Что Вы имеете в виду?

Быстров: В каюте был оборудован бассейн. В нем лежало существо, напоминающее мини-тиранозавра. Этакий двухметровый крокодил, передвигающийся на задних конечностях. Мы с Винером назвали его Ящером.

Председатель: Он был жив?

Быстров: Да.

Председатель: Вы просмотрели бортовой журнал «Сигмы»?

Быстров: Журнал не сохранился. Но мы установили, что был Контакт.

Председатель: Вы имеете в виду инопланетный Разум?

Быстров: Да.

Председатель: Поподробнее, пожалуйста.

Быстров: Ярополк был в критическом состоянии. Мы перенесли его на «Смерч» и поместили в медицинский отсек. Им занялся робот-врач. Попутно я дал задание на зондаж мозга Ярополка. Компьютер врача расшифровал биотоки, и мы узнали о Контакте.

Председатель Горбовскому: «Сигма» – десантный корабль?

Горбовский: Да.

Председатель: Они шли на Контакт?

Горбовский: Нет, это был обычный патруль. Мы не ждали в этом секторе Встречи: он почти полностью изучен.

Председатель Быстрову: Продолжайте. Как произошла Встреча?

Быстров: «Сигма» шла в обычном пространстве, как вдруг прямо перед ней появился неизвестный корабль. Они чуть не столкнулись. Ярополк испробовал все позывные. Неизвестный не отвечал. Тогда они решили, что корабль мертв. Кларк попытался проникнуть внутрь неизвестного, и в конце концов ему это удалось. Когда он вскрыл рубку, на него бросился Ящер. Кларка спас скафандр: зубы у Ящера не хуже крокодильных. Десантники скрутили эту злую бестию и перенесли ее на «Сигму».

Председатель: Они пытались установить Контакт?

Быстров: Да. Ящер с самого начала повел себя враждебно. Не подпускал к себе людей, старался напасть. Агрессивность его была необъяснима и постоянна. Ни на какой контакт он не шел. Ярополк и Кларк пришли к выводу, что столкнулись с неизвестной враждебной нам цивилизацией. С их разведчиком. Надо было срочно установить, откуда он прибыл, и предупредить Совет об опасности. Кларк перешел на корабль Ящера, а Ярополк стал составлять рапорт в Центр.

Председатель Горбовскому: Вы получили этот рапорт?

Горбовский: Нет.

Быстров: Ярополк не успел его отправить.

Председатель: Старший спасатель Быстров, Вы находитесь в Чрезвычайной Комиссии по Контактам. Прошу воздержаться от реплик. Отвечайте только на вопросы.

Быстров: Извините.

Председатель: Что было дальше?

Быстров: Корабль Ящера неожиданно стартовал в надпространство. «Сигма» была рядом. Удар Д-двигателей пришельца мог испарить ее за несколько секунд. Бортовой компьютер вынужден был дать Д-старт и «Сигме». Ярополк был почти рас-

плющен перегрузками. Как перенес их Ящер, не знаю. Львиная доля запасов энергии «Сигмы» ушла на отражения ударной волны. Броня корабля почти испарилась. Бортовой компьютер успел послать SOS и на остатках энергии вывести корабль в обычный космос.

Председатель: Это все, что Вы можете сообщить Комиссии?

Быстров: Я доставил на Базу Ярополка и Ящера. Винер остался на «Сигме», ждет десантников.

Быстров полулежал в кресле, чувствуя как отступает, смывается напряжение последних дней. Все –таки великое дело – музыка! Еще древние заметили ее воздействие на человека. Быстров расслабился, на лице появилась легкая улыбка, Глаза закрылись. Хорошо! Звуки синтезаторов сливаются в мелодию, очищающую мозг от усталости, забот. Можно выбрать и создать любое настроение. Вернувшись из рейса, Быстров ставил всегда одну и ту же кассету: прежде всего надо снять напряжение труда, очистить мозг от лишних очагов возбуждения, успокоиться. Кассету радости Быстров слушал редко: радость приходила сама. Каждое возвращение домой, встреча с Маринкой и Славкой – лучше всяких синтезчувств.

Быстров снял наушники и шагнул в соседнюю комнату. Стеллаж с игрушками, стол с измерительным комплексом и набором микропроцессорных модулей – очередное Славкино увлечение, – миникомпьютер. Над столом фотографии Гагарина, Горбовского. Хохочущая Маринка в купальнике, пытающаяся стащить счастливо визжащего Славку с барахтающегося на мелководье Быстрова. На противоположной стене, как тряпка, болтается распотрошенный экран стереовизора. В углу, на тахте, из –под одеяла торчит сонно посапывающая белобрысая головка. Быстров сел за рабочий стол и с интересом склонился над разложенными схемами. Все ясно: опять вышел из строя блок цветности.

Ого, а это что такое? Неужели Славка пытается лепить свою собственную схему блока? И это в шесть лет! Пора отдавать его в школу.

–Папка! – Две маленькие теплые ручки обвилились вокруг шеи Быстрова. – Ты когда прилетел?

–Только что, а где мама?

– В Африке, у нее какой –то семинар. А что ты привез? А когда мы пойдем в зоопарк?

– Я привез тебе огромного ракапаука с Пандоры. Он в фонотеке слушает запись своих брачных воплей.

– Нет, правда? – Замер Славка. – И я смогу на нем покататься?

– Я пошутил, сынок, – улыбнулся Быстров, сажая сына на тахту. – Никого там нет. Ракопаука мы с тобой посмотрим в зоопарке. Сегодня же, – прибавил он, видя, как Славка начинает надуваться.

– Понимаешь, был очень трудный рейс, пришлось повозиться. Зато теперь у меня две недели отдыха, так что можешь составлять программу путешествия по старушке Земле. С чего начнем, с Африки или Америки?

– С зоопарка! – Закричал Славка. – Потом детский городок аттракционов, потом...

– Стоп, стоп, тихо! – Накрывая сына подушкой засмеялся Быстров. – А как у нас с учебкой?

– Смотри. – Славка спрыгнул с тахты, подбежал к компьютеру. Его проворные пальчики коснулись нескольких клавиш, и на экране появился график успеваемости по изучаемым предметам.

– Ну что ж, молодец, – похвалил Быстров сына. – Материал усваиваешь прочно. Пожалуй, пора тебе определяться. В какую школу ты хотел бы уехать?

– Конечно, в Аньюдинскую!

– Куда хватил! В Аньюдинскую школу мечтают попасть ребята со всей Земли и даже с Венеры. Там учились Геннадий Комов, Поль Гнедых, Александр Костылин, Михаил Сидоров! А ты? Даже стереовизор починить не можешь.

– Вот еще! – Вспыхнул Славка. – Да я его раз десять чинил. Надоело! Проще переделать весь блок.

– Ладно, не кипятись. Беги умываться.

Быстров проводил улыбкой сына, всем своим видом выразившего незаслуженную обиду, и вспомнил, как сам в детстве бился со стереоблоком, пока не переделал его по своему.

«Неужели мой отец тоже подсовывал мне в стереовизор заведомо неработоспособный блок?»

– Славка! – Закричал Быстров. – Быстренько делай за-

рядку, под душ – и в зоопарк. Сегодня я разрешу тебе вести птерокар.

Из-за двери донесся ликующий вопль ракопаука, наступающего добычу. Быстров прошел на кухню. Набирая на клавиатуре заказ он решил: день, ну два, он будет развлекать сына всеми благами цивилизации, а потом увезет его к Сашке, в тайгу, тот давно приглашает. Походят по лесу, грибы, ягоды, ночной костер на берегу таежного ручья. А знаменитая Сашкина уха? Быстров зажмурился, чтобы вид тарелок с заказанным завтраком не спугнул чудное виденье, которое он глушил в себе в фонотеке корабля во время последнего рейса, когда нужно было срочно доставить на Базу полумертвого Ярополка и пышущего злобой Ящера. Быстров вел корабль в одиночку, подменить его было не кому. «Скорая помощь Вселенной» – говорит о нас шеф. Экипажи регулярных рейсов смотрят на спасателей, как на бездельников, десантники – как на аристократов: есть аварийный вызов – лети, нет – наслаждайся жизнью на Земле. В десантники берут не каждого, но мало кто знает, что в спасатели отбор еще жестче. По сути дела спасатели – это десантники высшей квалификации и эрудиции.

Сигнал видеофона вывел Быстрова из задумчивости.

– Маринка! – Обрадовался он, включая экран.

– Здравствуй, Сережа, – улыбнулся Горбовский. – Только что получили весточку с «Сигмы». Винер сообщает, что при-был Кларк с хозяевами Ящера.

– С какими хозяевами?

– Они испытывали свой первый Д – звездолет. У нас первыми в космос полетели собачки, а у них Ящер. Ну что, будешь отдыхать или повезешь «собачку» хозяевам?

Голос Аура

–Привет, Джо... Я принес тебе рукопись о Кирэ. Артуро тяжело опустился в кожаное кресло, приставленное к огромному столу редактора, утомлённо добавил:

–Подожди, не радуйся, больше я не напишу о нём ни строчки.

–То есть, как это? Ты шутишь, Артуро! Редакция завалена письмами, ты же знаешь. После каждого выпуска журнала с новой повестью о Кирэ читатели требуют её продолжения.

–Нет, Джо. Я не шучу. Это моя последняя рукопись.

–Да что случилось?!

–Ничего. Просто мне теперь не о чем писать... Сиди, сиди, не перебивай. Постарайся выслушать меня и понять. Помнишь, ты удивлялся, как мне удастся в такой короткий срок создавать свои повести? Сегодняшняя – девяностая. Это, конечно, феноменально... Критики величают меня гением, королём научной фантастики. Но я вовсе не гений, Джо. А уж особого воображения тем более не замечал за собой. Во всех описаниях планеты Аур я ничего не выдумал. Дело в том, старина, что Кирэ, её отважный посланец, от имени которого я вёл повествование, действительно, широко известен во Вселенной. Ах, какой это был неутомимый исследователь –астронавт!.. Впрочем, может он и сейчас ещё жив. По крайней мере в моей памяти его образ пока ничем не затуманен...

Да ты не ёрзай так, Джо. Не волнуйся, я не болен. Закури свою сигару и слушай. Вот так, хорошо! А для меня, налей-ка стаканчик содовой и открой пошире окно. Ведь так жасмином пахнет!..

М-да. Ну, так вот... Почему я не напишу больше ни строчки? Я не слышу его голоса, Джо. Голоса Аура... Я уже описал всё, что узнал о нём.

Как ты помнишь, моя предыдущая повесть заканчивается тем, что экипаж звездолета Кирэ, облетев голубую планету, не рискнул опуститься на неё и покинул неизвестную Галактику. А ведь эта планета – наша Земля.

Ах, если бы на ней не было войн!..

Внешний совет Аура не разрешил Кирэ вступать с нами в контакт: это было бы преждевременно. Но Кирэ не мог улететь просто так, не оставив землянам, собратьям по разуму, какой

– либо весточки. Его, тонкая, чувствительная душа вступила в противоборство с инструкцией. Нарушив запрет, он силой внушения, с помощью специальной аппаратуры, передал нескольким младенцам на земле свою память об Ауре, частичку своих знаний. В числе немногих оказался и я...

Ты спрашиваешь, почему Кирэ остановил свой выбор на детях? Не знаю. Возможно, взрослое население вызывало у него меньше доверия. Вспомни те годы: первая мировая, как все колошматили друг друга! А Кирэ мог рассчитывать, что со временем мир на Земле восторжествует. Ведь в России уже произошла революция, и ему об этом было известно. Во всяком случае, он поступил так, а не иначе.

Я не знаю, что стало с другими моими сверстниками. Они могли преуспеть и больше. Ты помнишь, наверное, как в тридцатые годы да и в последующие мир облетали одна сенсация за другой! Проблемы ядерной физики и кибернетики, теория генной наследственности, статьи о телекинезе и парапсихологии... Всего не перечтёшь. Навряд ли это был случайный взрыв научного мышления.

У меня память Кирэ просыпалась постепенно и проявилась полностью лишь когда мне исполнилось 14 лет. И всё, что я видел вокруг, так разительно отличалось от того, что повседневно проецировалось в голове. В колледже, где я учился, преподаватели поражались моим познаниям. Однажды на уроке физики я проговорился, что знаю, как создать объёмную фотографию, трехмерное изображение, то есть обычную для сегодняшнего дня голограмму. Однокашники подняли меня на смех. В ярости я подбежал к доске и в считанные секунды нарисовал схему получения такой голограммы. Схему, которую лишь в 1948 году предложил известный физик Габор. Но и в 1948 году до её реального воплощения путь был далёк, так как требовался свет, ярче солнечного. Сегодня мы называем его лазером. Я тогда же сказал, что знаю, как получить и этот источник света. Надо мной продолжали смеяться, а учитель призадумался... На следующий день ко мне домой явились три благообразных джентльмена, но я сразу догадался, из какого они ведомства, и обратил всё в шутку. Меня не скоро, но как-будто бы оставили в покое. Однако мне надо было рассказать людям о Кирэ. И вот тогда я пришёл к тебе, Джо. Вывеска научной фантастики меня

вполне устраивала. Она спасала меня от шупальцев военщины и давала возможность подготовить людей к необычному: Кирэ мог вернуться!..

Ты, дружище, всегда спрашивал, как мне удается с такой убедительностью описывать жизнь Аура? Теперь ты знаешь, в чём дело. Веками фантастическая литература исходила из нашего, земного представления инопланетной жизни. Я же писал, основываясь на своих реальных знаниях Аура. В каждой моей повести не было ничего земного: природа, разум, наука и культура – всё аурианское. В конце каждой повести я помещал специальный словарь, теперь уже все читатели могут довольно сносно говорить по-ауриански, и это стало модно.

Иллюстрации к повестям тоже никто не выдумывал, я делал их сам. Ведь никакой художник не сможет обрисовать жизнь Аура так, как видел её я в своей памяти, то есть – в памяти Кирэ.

И вот последняя моя рукопись. Но она самая важная, Джо. Если раньше я давал лишь хронику исторического развития Аура, то на этот раз я описал социальное общество его, ведь оно прекрасно!..

Я понимаю, что у тебя с этой рукописью будет немало хлопот и осложнений. Может быть даже закроют твой журнал. Но всё равно, надо непременно опубликовать её. У нас должны знать, что идеалы общества, которое строит Россия, не утопия – они уже стали действительностью на Ауре. Таки внимательно следят за нашей голубой планетой и готовы протянуть землянам братскую руку дружбы. Теперь только от нас зависит, как долго мы будем в самоизоляции. Пора уже перестать бряцать по-дикарски оружием. Ты меня понимаешь?

Артуро медленно поднялся.

– Так я могу быть спокойным? Напечатаешь? Ведь ты и без того заработал на мне кучу денег. В случае чего откроешь какой-нибудь новый журнал... Ну, вот и хорошо. Я всегда считал тебя славным парнем, дружище: Прощай!

– Подожди. А что же всё-таки с твоей памятью? Ты и сейчас мог бы начертить что-нибудь этакое?..

– Конечно. Мне известно многое, о чём я пока умалчиваю. Но вот что теперь происходит на Ауре – я не знаю. Ведь, память

– только память. Другое дело, если бы мы установили прямой контакт с Ауром... Ну, я пошёл. Салют, Джо!

Несколько секунд редактор задумчиво следил за ним в окно. Потом решительно снял трубку телефона и набрал номер.

– Алло!.. Генерал Диас?.. Да-да, это я. Вы оказались правы. Он действительно многое знает... К сожалению, симпатизирует красным... Во всяком случае, дальнейшее его пребывание на свободе весьма опасно для нашей демократии. Он мне тут такое плёл о России... Да-да, я всегда к вашим услугам.

Редактор положил трубку, взял со стола рукопись Артуро, поднес её к корзинке с мусором и брезгливо разжал пальцы.

– Деньги есть деньги, – проворчал он, – и лучшего идеала нам не надо! Вот так-то...

А за окном белым кружевом распускался жасмин. И аромат его был как-то по-особому густым и острым.

1978 г.

Город

Быстров осторожно выглянул из-за скалы. Охранник был совсем рядом. Его длинная, по колено, рубаха покрылась слоем пыли и казалась из-за этого серой. За широкий кожаный пояс заткнут короткий меч. Быстров включил телекамеру, и Толя Винер, ждущий его в рубке «Спасателя», поспешил уменьшить звук. Над карьером стоял непрерывный грохот. Сотни рабов в одних набедренных повязках рубили кирками камень, группы носильщиков таскали его в огромных корзинах наверх и сваливали на телеги. Когда телеги наполнялись, рабы, впряженные вместо лошадей, волокли их по отшлифованной тысячами босых ног дороге к Городу. Карьер напоминал огромную чашу, по краям которой торчали неподвижные фигуры охранников.

Острый обломок впился Быстрову в бок. Сергей осторожно поменял положение и направил глазок телекамеры в центр карьера. На несколько секунд он выпустил из виду стоящего недалеко охранника, целиком сосредоточившись на картине, приближенной телеобъективом. В облаке пыли мелькали мускулистые руки, сжимающие инструмент. Мерно взлетают кирки и, обрушиваясь, откалывают куски камня. Между покрытыми пылью и потеками пота телами рубщиков снуют коренастые фигуры, быстро собирающие сколотую породу в огромные плетеные корзины. Два непрерывных потока текли параллельно навстречу друг другу: снизу вверх карбкались рабы с наполненными доверху корзинами, сверху вниз – опустошившие их в телеги.

Рядом хрустнуло. Сергей мгновенно вскочил. Охранник был уже в двух шагах. Его меч ярко блестел в лучах полуденного солнца.

– Немедленно уходи! – Услышал Быстров взволнованный голос Винера и представил, как его маленькая фигурка напряженно застыла перед экраном, заполненным надвигающимся охранником. – Спокойно, Толя, – ответил Быстров, на голове у меня гермошлем, а комбинезон не пробьет даже бластер, не то что эта медная ковырялка.

Охранник бросился. Быстров ушел легко. Он вполне мог обезоружить нападавшего, но решил выждать, посмотреть, что

будет, когда охранник поймет, что противник ему не по зубам. Уходя от бросков и ударов, Сергей увлекся, он не слушал, что кричит ему Винер...

– Какого черта вас понесло в Город? Вы что, не знали, что планета занесена в «Красную книгу»? На Сиреневую посадка запрещена!

– У нас была вынужденная посадка, – вяло ответил Быстров, прислушиваясь к боли в избитом теле: мечи охранников не смогли, конечно, пробить ткань комбинезона, но синяков понаставили.

– Вот и занимались бы ремонтом. Кто просил вас лезть в Город?

Зубов вскочил и забегал по каюте.

– Мы не могли спокойно смотреть, как одна раса поработила другую и нещадно эксплуатирует ее, – жестко сказал Быстров. Его зеленые глаза вызывающе блеснули из-под отросших русских кудрей.

– Какая раса? Кого поработили? – Резко остановился Зубов.

– Сережа ошибся, – прозвучал спокойный голос Винера. – Это одна и та же раса. Просто делают рабов из себе подобных! Фашизм.

– Ты слышишь, Маша? – Засмеялся Зубов, обращаясь к сидящей в углу худенькой женщине. – Оказывается, в Городе процветает фашизм, и мы с тобой его охраняем и защищаем! Жирные щеки Зубова тряслись, он начал задыхаться.

– Сядь, Паша, – голос маленькой женщины оказался неожиданно низким. – А вы, герои, может все-таки расскажете нам, как все призошло?

– Когда Сергей начал играть с охранником, он перестал воспринимать окружающее, – начал Винер. – Телекамеру он не выключал, и я видел, как со всей каменоломни сбегаются стражники. Они навалились на него всем скопом. Я не стал ждать конца схватки, прыгнул в вездеход и помчался к карьере. На экране вездехода, как в калейдоскопе, мелькали руки, мечи, ноги. Когда я подъехал, все уже было кончено. Сергея спеленали веревками, бросили на телегу, и шестерка рабов в окружении охраны повезла его и с десяток покалеченных охранников в Город. Я медленно двинулся за ними. Мне все время не давала покоя одна мысль.

– Какая? – Быстро спросил Зубов.

– Еще когда я наблюдал на телеэкране карьер, меня поразило одно обстоятельство: все работали без надсмотрщиков. Никто не подгонял рабов, на их телах нет следов побоев, однако все работают в полную силу! И второе: охранник, напавший на Сергея, не издал ни звука, да его бы никто и не услышал в этом адском грохоте. Однако помощь пришла немедленно! И даже конвой из Города. Я понял: аборигены общаются телепатически! Мы – спасатели, “скорая помощь” Вселенной, поэтому наш вездеход недавно оснастили мыслепередатчиком. Я включил его. Рабы, тащившие повозку, не считали себя рабами!

Они были убеждены, что созданы для этого. Охранники, оказывается, не стерегли рабов от побега, а защищали их от нападения диких зверей и захватчиков из соседних Городов.

Меня они вообще не воспринимали, так как вездеход экранировал мое биополе, а мыслепередатчик был включен только на прием.

Мы въехали в Город. Я увидел людей – строителей, мусорщиков, пастухов, мясников, охотников. И всех их объединяло религиозное чувство преданности Праматери. Я выудил из мыслей прохожих, что дети живут и воспитываются в специальных домах, из которых они выходят уже имея определенную раз и навсегда профессию, не зная своих родителей и даже не пытаясь изменить свою судьбу. В центре Города высится дворец, где под усиленной охраной живет Праматерь. Индикатор показал, что это здание окружено мощным биополем. Вся жизнь Города подчинена приказам, идущим из мрачного дворца. Вы понимаете? Они выращивают из детей живых роботов, мысли и поступки которых постоянно под контролем Праматери. Протест невозможен, ибо робот делает только то, что в него заложено. Если же программа дает сбой, то бедняга просто гибнет.

– Ну хватит! – Снова вскочил Зубов. – Вы здесь таких ужасов наговорили, что, я думаю, Маша вся дрожит.

Зубов потер лысину и улыбнулся.

– Честно говоря, вы повторили те же ошибки, что и мы с Машей, когда высадились здесь пятнадцать лет назад. Мы вовремя вас выдернули из Города, нас вот с Машей не кому было остановить... Мы тоже ошиблись, приняли жителей Города Си-

ренивой за разумных существ. Это не так, вернее не совсем так. Вы видели когда-нибудь муравейник?

– Вы хотите сказать..?

– Да. Здесь то же самое. Каждый обитатель Города сам по себе никто, беспомощное животное. И только объединившись, создав коллективный сверхмозг, они создают Города. В центре Города живет Праматерь. К ней сходятся все нити, она решает, кого выпустят няньки: охранников, строителей или пастухов. Второй десяток лет мы с Машей пытаемся разобраться, как Праматерь программирует своих подданных. Вы ведь видели, они не только профессиональными навыками, но и внешним видом отличаются друг от друга, хотя рождаются совершенно одинаковыми. Впрочем, я увлекся, это наши проблемы, мы конфискуем ваш мыслепередатчик, он нам очень пригодится. А вам пора покидать Сиреневую.

– Скажите, – нерешительно начал Быстров, – пятнадцать лет назад...

– Да, – грустно ответил Зубов. – Они захватили Машу. Я был так же молод и горяч, как вы. После гибели Праматери население разбрелось. Тех, кто не попал в лапы хищников, захватили соседние Города. А “освобожденный” нами опустел. Его развалины тут, не далеко.

Заяц

«Немного в этой жизни счастливых. И те, чей разум еще при жизни отлетел в заоблачные высоты, первые среди них...»

Жан де Лавогер "Двуполые"

Видеозапись №1

Выражения морды толстого рыжего кота, терпящего грубые ласки корабельного врача, и лица капитана были одинаково недовольны. Усы обоих подёргивались в раздражении.

— Проходи, Дубов, садись, — промычал капитан вошедшему пилоту и вяло махнул рукой в сторону кресла, раскопкой стоящего напротив его массивного, из настоящего земного дуба, стола. Короткопалая лапа, густо поросшая столь же рыжим, как у кота, волосом, бросила рядом с пепельницей зелёную пачку. — Сигарету?

— Благодарю, господин капитан, не курю.

— Давно? Кажется, именно ты весь рейс бурчал о дороговизне курицы в корабельном баре.

— Потому и бросил, господин капитан.

— Да? А мне почему-то кажется, что ещё несколько часов назад ты всю дымил. Вот смотри сюда. — Капитан развернул личный дисплей, чтобы второй пилот видел изображение на экране. — Это последняя запись одной из корабельных видеокамер. Узнаешь себя? Ты курил даже на дежурстве в корабельной рубке, что строжайше запрещено уставом.

— Виноват, господин капитан! — С трудом выбрался из низкого кресла пилот. — Этого больше не повторится. Тем более, что я действительно бросил курить.

— Сядь на место, Дубов. С курением мы разобрались. Но, зная теперь, что всё, происходящее на корабле, записывалось, может ты расскажешь мне ещё что-нибудь?

— Извините, господин капитан, не понимаю, о чём Вы?

— Не понимаешь? Жаль. Тогда придётся продолжить эту беседу в ином составе.

Капитан встал, сделал приглашающий жест корабельному врачу.

— Он Ваш, Василий Петрович, — и направился к двери. Его кот, спрыгнув с колен врача, собачкой потрусил за своим хозяином.

Кротов, основательно устроившись на капитанском месте, неторопливо закурил ментоловую сигарету из зелёной пачки и пустил дым в лицо сидящего напротив пилота.

— Ещё раз так сделаешь, докторишка, и я заставлю тебя съесть твою вонючую цигарку! — Вскочил с кресла пилот и навис громадной мускулистой глыбой над невысоким, щуплым оскорбителем.

Кротов лениво и как-то даже небрежно ткнул Дубова свободной от сигареты рукой, и здоровяк рухнул без сознания на стол.

Видеозапись №2

Пилот очнулся. В пепельнице перед его носом тонкие пальцы Кротова мяли, стараясь загасить, уже третий окурок. Дубов судорожно, со всхлипом вдохнул вонючий дым, закашлялся и сполз со стола в кресло.

Ноги не держали его.

— Ну что, очухался? — Спокойно спросил Кротов. — Давай знакомиться заново. Я, как ты знаешь, исполняю обязанности врача на этом корабле. Но это, если ты ещё не понял, моя "крыша". На самом деле я — сотрудник Службы безопасности галактической корпорации "Финансы". Пока ты тут валялся в отключке, я ещё раз просмотрел твой файл. Ты — Дубов Михаил Яковлевич, тридцать восемь стандартных лет, родился на планете Новая Московия, окончил имперское лётное училище на Земле, отслужил пять лет в имперском звёздном флоте.

Сейчас — вольный пилот. Устраиваешься на те корабли, где больше заплатят. Разведён, детей нет. Нанялся вторым пилотом на этот рейс с увольнением на Новой Московии, где у нас будет промежуточная остановка на дозаправку. Правильно?

— Да.

— Хочешь что-нибудь добавить?

— Нет. Все правильно.

— Значит, упорствуешь? Неужели, не понимаешь, что раз я занялся тобой, то для этого есть причины?

— Что вы с капитаном от меня хотите? Я не понимаю. Просмотрите записи видеокамер. Я честно и добросовестно исполнял обязанности второго пилота. Да, курил во время дежурства. И что? Причём здесь Служба безопасности "Финансов"?

— Продолжаешь Ваньку валять? Уверен, что видеокамеры не могли записать твои художества? Да, не записали. Есть разрыв в записях всех видеокамер, управляемых с корабельного компьютера.

Примерно два часа камеры были отключены, как и все люди на корабле.

Кроме тебя! Видишь ли, СБ установила на корабле свою систему видеозаписи, автономную. И вот она — то не была отключена! Хочешь полюбоваться на то, как внезапно заснули пассажиры и команда, как к кораблю пришвартовались чужаки, как ты провёл их в каюту, где хранились секретные документы корпорации "Финансы", как чужаки сняли копии с документов и покинули корабль?

Сам расскажешь, на кого работаешь, или мне применить соответствующие препараты?

— Не стоит. Применение любых препаратов или насилия приведёт лишь к моей смерти. Вы должны знать, как это делается.

— Значит, признаёшь, что ты не Дубов? Кто же ты?

— Его наследник. "Заяц", неожиданно ставший полноправным владельцем билета. Ладно, я расскажу Вам всё, отвечу на все вопросы, только прикажите принести кофе: диалог будет долг.

Видеозапись №3

— Дубов нанялся на этот корабль с единственной целью: вернуться домой. Он не знал, что на ничем не примечательном пассажирском корыте, совершающем регулярные рейсы по маршруту Земля — Новый Рим — Новая Москва — Пандора, под видом обычного туриста летит курьер корпорации "Финансы", везущий важные документы. Вы,

доктор, — буду уж так Вас называть — уже получили известия о произошедших на Новом Риме событиях после нашего отлета?

— Каких событиях? Обычная имперская хроника.

— Значит, Паоло Грэхем решил засекретить произошедшее.

— Паоло Грэхем? Шеф личной охраны Императора?

— Да, доктор. Именно люди Грэхема совершили налёт на наш корабль и скопировали секретные документы вашего курьера.

— Ты меня за дурачка принимаешь? Сказки мне тут сочиняешь?

— Терпение, доктор! Видимо, мне придётся рассказать Вам всё с самого начала, иначе — не поверите. Вы знаете, что власть императора неуклонно уменьшается?

Галактические корпорации давно отказались от каких-либо расовых или религиозных рамок. Зачем навязывать местным предприятиям чужаков-управленцев и создавать тем самым лишние поводы для конфликтов и возможных неприятностей? Закон выгоды и благополучия диктует иные принципы организации. Всяческие национальные или религиозные ограничения только вредят. Люди, работающие в галактических корпорациях, ставят их (корпораций) интересы выше, чем национальные или государственные. Вам ли это не знать, доктор?

Чей приказ для Вас важнее: главы корпорации "Финансы" или императора? То-то.

— К чему Вы клоните, Дубов?

— О-о! Мы уже на Вы?

— Ближе к делу!

— Императора весьма раздражает создавшееся положение. Он поручил своему другу, Паоло Грэхему, найти способ усилить власть имперского дома. Войска в подобной ситуации бессильны, так как "охранные силы" корпораций давно превосходят в любом смысле имперские вооружённые силы. Финансовые рычаги тоже в руках корпораций. Фактически, империя уже поделена между несколькими галактическими корпорациями, терпящими императора, пока он не мешает им. Грэхем, понимая, что силой и при-

казами он ничего не добьётся, сделал ставку на науку. Была организована секретная лаборатория, которую возглавил... Имя я Вам не назову.

Давно, ещё когда земляне только мечтали о космосе, спецслужбы уже успешно занимались "программированием" людей. Тогда это был гипноз.

По воле гипнотизёра человек мог выполнить любой приказ. Любой.

Грэхем решил возобновить данные исследования.

Мы работали с энтузиазмом, ведь цели нам были названы иные: борьба с преступностью и доступность знаний, профессий. Извечная мечта о халяве. Не нужно больше годами корпеть над учебниками — достаточно надеть шлем, и через несколько минут все необходимые знания в твоей памяти. Мы могли "штамповать" любых специалистов, с любым "опытом работы".

Но начали с личной охраны императора. Потом пришла очередь имперской армии. А группа, занимавшаяся программой перевоспитания преступников неожиданно получила заказ на "любовь и преданность к императору". Многие прозрели, эйфория закончилась, протесты подавлены. Нет, никого не арестовали. Просто "привили" любовь и преданность. Коллектива учёных не стало. Я остался один, пока не "привитый". Моя тема была очень важна для императора, но об этом позже.

Одной любви оказалось мало. Необходимо превратить каждого подданного империи в живого робота, готового беспрекословно выполнить любой приказ хозяина, знающего своеобразный "код доступа". Древние игры спецслужб Земли с гипнозом тут не годились. Человек должен быть в полном сознании, но выполнять любые приказы, как робот. Не смотря даже на инстинкт самосохранения.

Вы, как врач, наверно, помните первые классические опыты, когда крысам вживляли в участок мозга, ведающий наслаждением, электроды, и несчастные животные умирали от голода, потому что вместо того чтобы есть постоянно нажимали электрокнопку? Сегодняшние виртуальные игры подростков, не говоря уж о порносайтах, прямые потомки этих древних опытов. Правда, вживлять электроды в

мозг сейчас не требуется. Техника развивается. Но те, кто проводит время в виртуальных приключениях, не теряют собственную личность и память. Наше воздействие должно было быть более радикальным.

Когда первые опыты над политзаключенными прошли успешно — вчерашние террористы стали ярыми приверженцами императора, готовыми выполнить любой приказ Грэхема, — я понял, что приблизилась моя очередь "делать прививку". Как только будет закончена шлифовка программы, и она будет "запущена в серию", мне — как самостоятельной личности — конец. Я знал это и тайно готовился к бегству. И вот, наконец, этот день настал.

Император издал "Указ об обязательном медицинском контроле всех жителей Нового Рима, а также Империи". Скоро должна быть выброшена на галактический рынок новая виртуальная игра, тайной частью которой является наша программа "преданности и покорности". Пока дети будут играть, их убеждения незаметно сформируются в нужном императору направлении. А у взрослых этот процесс происходит во время "обязательного медосмотра". Вы все во время остановки на Новом Риме прошли медосмотр в имперской клинике?

— Что Вы хотите сказать?..

— Да. Именно это. Во время медосмотра вас всех незаметно "запрограммировали".

— Чушь! Я ничуть не изменил своего отношения к императору.

— Конечно! Вы же не считаете Грэхема идиотом? Если все подряд сразу после медосмотра возлюбят императора, это моментально бросится в глаза окружающим. Вас запрограммировали, доктор. Вы можете и дальше жить, как ни в чём не бывало. Но однажды к Вам подойдёт человек и скажет определённый код — он у всех одинаков в основе, просто индивидуальной добавкой служит Ваше имя, — и тут старый Василий Петрович Кротов исчезнет, но зато появится новый: верноподданный робот. А может быть, Вам позвонят или пришлют письмо, опубликуют "списки выигравших в лотерею" и тому подобное.

С Дубовым случилось именно это.

Грэхем решил "убить двух зайцев": испытать аппарат и ограбить корпорацию "Финансы". Он каким-то образом узнал, что на нашем корабле летит на Пандору курьер с тайными кодами счетов в банках Новой Швейцарии. Последнее время корпорация "Финансы" всё больше и демонстративнее игнорирует имперские структуры. Это и определило выбор Грэхема. Он решил "получить налоги" старым пиратским способом. Пока ваш курьер доберётся до филиала на Пандоре, на новошвейцарских счетах корпорации будут нули. Грэхем не знал о ваших видеокамерах, но на всякий случай Дубов получил приказ покончить с собой через полчаса после отлёта пиратов. И никакое расследование не приведёт к императору. Корабль постоянно был на орбите, ни один человек, кроме команды и пассажиров, на нём не появлялся. Ваши видеозаписи покажут неизвестных в масках и члена корабельной команды — второго пилота Дубова.

— Вы всё время говорите "Дубов", "моя программа". Но Дубов — это Вы.

— От Дубова осталось только тело. Помните, я говорил, что приготовился к бегству. Я, настоящий, сбежать бы не смог. Но мой разум... О пересадке сознания пишут фантасты испокон веков.

Больные или старые миллионеры мечтают купить себе бессмертие.

Бессмертие императора было нашей главной темой, и мне удалось решить эту проблему. В нашем распоряжении были лучшая лаборатория и личные средства императора.

Моё тело находилось под непрерывным присмотром. Поэтому я решил пожертвовать им. Когда Дубов проходил медосмотр, я, кроме "программы преданности", "подсадил" в его мозг себя. Конечно, не полную копию, а только именно себя. Знаете, в мозге человека хранится информация, собранная всеми его предками. Но она как бы "заархивирована". Иногда человеку удается получить доступ к некоторым "файлам". Люди неожиданно для себя и окружающих вдруг начинают говорить на неизвестных им языках, осознают себя совершенно иными личностями. Собственно, человек использует, как правило, около четырёх процентов возможностей своего мозга.

Они и составляют его личность. Эти четыре процента я и "переписал" Дубову. Фактически он стал обладателем двух личностей. Вы, как врач, должны знать, что в мозгу человека порой уживаются до пяти разных личностей, не знающих друг о друге. На этом факте построено множество сюжетов развлекательной литературы, особенно детективной. Но в нашем с Дубовым случае он обо мне не знал, а я мог полностью его подавить и "взять управление в свои руки".

Однако, решил на время затаиться и бежать с Нового Рима, "зайцем" прокатившись на вашем корабле до Новой Московии. Я ничего не знал о пиратских планах Грэхема, как впрочем, и Дубов, пока во время вахты последнего не получил кодированное послание, превратившее Дубова в послушного робота. Позднее я, конечно, не дал ему убить тело. Но разум бедняги всё же распался. И теперь я — единственный владелец тела.

— Всё, что Вы говорите, Дубов, очень интересно. Вы книги писать не пробовали?

— Не верите мне?

— Нет. Видимо, мне всё же придётся прибегнуть к...

— Не придётся. Вы не оставляете мне выбора. Я скажу Вам правду, но только так, чтобы никто другой не услышал. От этого зависит не только моя жизнь.

Дубов достал из кармана аудиоплейер, нажал кнопку записи и что-то прошептал в микрофон, держа плейер так, чтобы тот закрыл от видеокамер рот пилота, и позднее никто не смог бы установить сказанное по губам.

Когда Кротов надел наушники, Дубов нажал кнопку воспроизведения записи. Врач окаменел в кресле. Глаза его остекленели. Дубов стёр запись, снял с Кротова наушники и улыбнулся в видеокамеру.

— Вот вам требуемое доказательство. Я оставляю все видеозаписи, хотя мог бы приказать Кротову, и тот бы стёр их, а сам забыл о происшедшем. Император начал войну с человечеством.

Надеюсь, вместо охоты на меня, корпорации начнут готовиться к обороне. Без меня вам не устоять. Я почти решил проблему защиты от "программы преданности". Надеюсь, если мне не будут мешать, этаким аналог "антивируса" для

человеческого разума скоро будет готов. Для завершения работы мне, естественно, необходимы немалые средства. Поэтому я позволил себе воспользоваться столь неожиданно попавшими в мои руки кодами к новошвейцарским счетам корпорации "Финансы". Пиратов Грэхема ждет сюрприз!

На Новой Московии я сменю тело Дубова на другое, а, может быть, не раз и не на одно, чтобы запутать ваших ищеек и получить истинно преданных и умных помощников — кому я могу доверять так, как себе? Поэтому лучше не тратьте время и средства на мои поиски. Фактически я уже работаю на вас и на всё человечество.

Как невольный спонсор корпорация "Финансы" воспользуется плодами моей работы первой. Это я твёрдо обещаю. Ваш агент Кротов будет моим рабом, пока я не покину корабль на Новой Московии. Как и любой, кто попытается мне помешать. Не забывайте: я знаю "код доступа". И только я могу оградить вас от него. Прощайте!

В Совет директоров корпорации "Финансы".

Докладная записка.

В дополнение к представленным видеозаписям по теме "Заяц" довожу да вашего сведения:

1. Зафиксированные в них факты подтвердились.

Пассажирский лайнер "Карпаты" действительно подвергся пиратскому нападению. Новошвейцарские счета корпорации пусты.

2. Агент СБ Кротов В.П. доложил, что "Заяц" беспрепятственно покинул корабль на Новой Московии. Капитан лайнера "Карпаты" Рыков Н.В. и агент СБ Кротов В.П. не приняли никаких мер к его задержанию и аресту как пособника пиратов. Более того, никто из них не сообщил о случившемся в соответствующие инстанции до возвращения на Землю. Рейс лайнера был продолжен согласно расписанию, что дало возможность преступникам опустошить новошвейцарские счета корпорации. Агент СБ Кротов В.П. и капитан пассажирского лайнера "Карпаты" Рыков Н.В. чётко помнят всё, что с ними произошло, но объяснить своё

бездействие не могут. Оба временно освобождены от занимаемых должностей и находятся под домашним арестом.

3. Проследить куда ушли деньги с новошвейцарских счетов до конца не удалось. Однако, наша агентура на Новом Риме сообщает, что император их не получал. В застенках Грэхема от пыток погибло несколько человек, число коих совпадает с количеством пиратов.

4. Та же агентура доносит, что после отлёта лайнера "Карпаты" неизвестные террористы уничтожили со всем оборудованием и персоналом какую-то сверхсекретную лабораторию Грэхема. Ходят слухи, что погибшие от пыток люди ответственны за этот теракт. Служба Грэхема эти предположения не подтверждает, но и не опровергает.

5. "Заяц" пока не найден.

В связи с вышеизложенным, прошу вашей санкции на применение к бывшему капитану пассажирского лайнера "Карпаты" Рыкову Н.В. и к бывшему агенту СБ Кротову В.П. соответствующих технических и химических средств с целью установления того, что обозначено "Зайцем" как "код доступа".

Директор СБ корпорации "Финансы" Л.П.Натия

**Директору СБ корпорации "Финансы" г. Л.П.Натия
от начальника технического отдела СБ Я.Г. Малина**

Рапорт

Докладываю:

Согласно Вашему распоряжению рег. № 2905 нашим отделом были применены соответствующие технические и химические средства к двум объектам. Объект А был подвергнут химическому, а объект Б — техническому воздействию с целью получения от них указанной Вами информации. В обоих случаях результатом явился полный и безнадёжный распад личности объектов. Искомая Вами информация доступными нам средствами получена быть не может. Прошу Ваших указаний о дальнейшей судьбе объектов А и Б.

Начальник ТО СБ Я.Г.Малин

Интервью

– Извините, Вас беспокоит программа «Мир и молодежь». Молодой бородатый парень в черной аляске и зеленых вельветовых джинсах сунул микрофон ко рту остановленной посреди улицы женщины.

– Как Вы относитесь к возможности контакта с инопланетной цивилизацией?

– Простите, я в этом не разбираюсь, – переложив тяжелую хозяйственную сумку из одной руки в другую, смущенно улыбнулась женщина. – Газету почитать нет времени, не то что...

– Программа «Мир и молодежь». Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к возможности контакта с инопланетной цивилизацией?

Солидный мужчина лет шестидесяти неторопливо окинул взглядом стоящего перед ним репортера, повернулся к его товарищу, держащему камеру, и, глядя прямо в объектив, веско ответил:

– Не верю!

– Почему так категорично? – блеснул блюдцами очков «аляска».

– С соседями договориться не можем. А вы говорите – с инопланетянами.

– Здравствуйте, ребята, «Мир и молодежь». Вы студенты?

– Да.

– Как вы относитесь к возможности контакта с инопланетной цивилизацией?

– Мы – за! Обеими руками. Хоть сейчас! А что, уже сели?

– Нет. А как вы себе это представляете?

– Ну, уже давно ведь разработаны всякие там таблицы, формулы, картинки. Что, Вы сами не знаете?

– Извините, молодой человек, программа «Мир и молодежь». Представьтесь, пожалуйста.

– Иванов Павел, инженер.

– Скажите, Павел, что Вы думаете о возможности контакта с инопланетной цивилизацией?

– Я думаю, что в ближайшее время такой контакт невозможен и нежелателен.

– Даже так?

– Только так.

– А можно узнать, почему?

– Это же тривиально! Представьте, сегодня на Красной площади – или какой-нибудь другой площади советского города – садится, грубо говоря, «летающая тарелка». Я уверен, что как только она сядет, такое начнется! Вы что думаете, там на Западе, позволят нам с помощью инопланетян вырваться вперед?

– А если тарелки сядут и у нас и у них одновременно?

– Все равно. Любой толчок вызовет непредсказуемые последствия. – Спасибо, Павел, до свидания.

– Всего хорошего!

Репортеры молча погрузили в старенький «уазик» аппаратуру. «Аляска» сел на место шофера и плавно тронул машину с места. Через полчаса они были за городом. В пульсирующем свете зажегшихся уже фонарей старенькая обшивку кусками разлетелась в разные стороны, и разведкатель типа «малютка» с двумя космодесантниками на борту резко взмыл в звездное небо...

Паша Иванов не спеша вошел в свою новенькую кооперативную квартиру. Через несколько минут гиперпочта понесла его рапорт о том, что земляне наконец-то начали широко обсуждать возможности контакта.

Лабиринт чувств

У «Лабиринта ужасов», как всегда, толпятся зеваки. Алекса влечет сюда какая-то неумолимая сила. Три дня назад он вышел оттуда живым.

Проклятый лабиринт! Он отнял у Алекса единственное сокровище – Кристу.

Когда под колесами пьяного водителя погиб трехлетний сын, а жена ушла к другому, все краски мира померкли в глазах Алекса. И вдруг – Криста. Она буквально вдохнула в него жизнь. Они часто бродили по брусчатке узких портовых улочек. Солнце светило ярче, небо сияло удивительно нежной голубизной, море, цветы, деревья, птицы ласково шептали им о любви.

И вдруг все рухнуло. Кресты нет.

«Что же я не понял?» – Думал Алекс.

В голове у него, как пойманная птица, билась какая – то мысль, догадка, смутное воспоминание.

Алекс вышел на площадь перед «Лабиринтом ужасов». Три дня назад они с Кристой, счастливые, оглушенные нескончаемым карнавалом, шумящим в городке круглый год, встретились здесь с Элом. Кругом бесновались всевозможные маски – персонажи «Лабиринта ужасов». Алекс, Криста и Эл с боем взяли столик в бистро и попытались утолить жажду шампанским.

– Смотрите! – Закричала Криста. – Чудик идет.

Чудик шел против «течения». Беснующаяся карнавальная масса разбивалась о него, как волны о риф. Любой другой был бы давно «смыт» и захвачен могучим потоком карнавального шествия.

– Наверно, опять идет в Лабиринт, – засмеялся Эл. – Все они туда возвращаются!

«Чудиками» называли тех, кто побывал в «Лабиринте ужасов». Именно ПОБЫВАЛ. Потому что не все, кто входил в него, возвращались обратно. Сначала их встречали как героев. Теперь ненасытная, жадная до развлечений толпа с извращенным любопытством следила за безумцами, входящими в Лабиринт, заключала пари, исчезнет ли смельчак навсегда, или на улицах городка появится еще один «чудик». Самое удивительное, что все чудики через некоторое время опять шли в Лабиринт и на этот раз либо

исчезали навсегда, либо неведомая сила выпшвыривала наружу их скрюченные трупы, с искаженным гримасой ужаса лицом.

Криста с Элом начали спорить о том, почему и чем все чудики похожи друг на друга. Что тянет их в «Лабиринт ужасов»? До сих пор любопытная толпа не знает, что там находится. Ни один чудик уже больше никогда в жизни не разговаривал с простыми смертными. А жизнь чудиков коротка. Они, словно камикадзе, снова рвутся в Лабиринт, а тот, словно легендарный Левиафан, глотает их, лишь иногда выплевывая изломанные страхом и страданием трупы.

– Чем попусту спорить, пойдем и сами посмотрим, что за Минотавр прячется в этом лабиринте! – Предложил Эл. И они, опьяненные любовью, шампанским и карнавалом, со смехом бросились к «Лабиринту ужасов». Эл в последний момент струсил, и в холодную каменную пасть под улюлюканье толпы шагнули Алекс и Криста.

В узком коридоре царил полумрак. В колеблющемся свете воткнутых между камней стены факелов Алекс с Кристиной, обнявшись, медленно шли по удивительно гладкому полу, стараясь не касаться сырых стен. Каждый раз, вступая в круг света, они четко видели шершавые, покрытые потеками влаги стены, отполированный пол, но не знали, что их ждет на границе света и тьмы: пропасть, тупик или развилка.

– Подожди, – остановилась Криста у очередного факела. Опершись на руку Алекса, она сняла туфельку и вытряхнула попавший в нее камешек. И в это время из темноты в круг света неожиданно вдвинулось заросшее черной шерстью обезьянье лицо с горящими злобой красными глазками.

Криста завизжала, бросила в чудовище туфельку и бросилась назад. Алекс попятился, закрывая собой проход. Чудовище оскалило в злобной ухмылке ослепительно белые клыки. Мохнатая лапа легко смахнула факел, и в наступившей тьме пол под Алексом провалился, и он полетел в бездну...

Очнулся Алекс от ласкового прикосновения женских рук. Аромат нежных духов щекотал ноздри.

– Криста, – прошептал он, открывая глаза. Он лежал на широкой квадратной тахте в небольшой, обитой коврами комнате. Рядом на коленях стояла, склонившись над лежащим Алексом, Девушка с удивительно красивым и знакомым лицом.

– Забудь Крису, ее нет! Она тебе больше не нужна, ведь теперь с тобой я, твоя Мечта.

Алекс вновь ощутил запах пьянящих духов, нежное прикосновение длинных мягких кудрей, ласку маленьких рук.

– Ты всю жизнь мечтал обо мне, стремился ко мне. Я – твой идеал женщины. Посмотри на меня! Откуда-то послышалась тихая музыка. Девушка встала, закружилась в танце, золотые волосы вспыхнули в затрепетавшем свете свечей.

– Я с тобой, милый, мы всегда будем вместе, пела девушка. – Я – твое счастье, ведь ты всю жизнь мечтал о счастье. Я – твоя мечта, значит, я – твое счастье!

Тонкий, расшитый цветами халат распахнулся и отлетел в сторону. Девушку окутывала розовая прозрачная рубашка.

– Иди ко мне, – протянула она руки к Алексу. – Я утолю твою жажду счастья, твою мечту!

Алекс встал с мягкого ложа и, шатаясь, как пьяный, шагнул к танцующей манящей фигуре. В стоящем сбоку огромном зеркале он увидел себя, в расстегнутой рубашке, с револьвером за поясом, с блаженной улыбкой на лице, а рядом... извивающийся в жестком саване скелет!

– Иди же ко мне, я жду, – протянулись из савана высохшие желтые кости.

Алекс переводил обезумевший взгляд то на прекрасную девушку, то на ее кошмарное отражение. Красавица оглянулась, судорога исказила ее черты. Страшно закричав, она ударила рукой по своему отражению, стеклянный водопад залил растеленные на полу звериные шкуры. Алекс бросился к двери.

– Стой! – Холодные пальцы вцепились в ворот рубашки. Алекс в ужасе рванулся, материя затрещала. Он летел от факела к факелу. Несколько раз из тьмы высовывались страшные морды, тянулись когтястые лапы, слышались вопли, стоны и манящие призывы. Уворачиваясь от очередного чудовища, Алекс понял, что сам кричит. Он остановился и замолчал.

– Алекс! – Донесся откуда-то голос Кристи.

– Я здесь! – Закричал Алекс, и эхо понесло его призыв по Лабиринту...

И вот они встретились. Вынырнув откуда-то сбоку, Криста бросилась к нему на шею, счастливо смеясь и плача одновременно. Прижимая любимую к груди, Алекс опять увидел

страшную волосатую фигуру, обезьяньими прыжками приближающуюся к ним. Подхватив Кристу на руки, Алекс побежал по петляющему коридору. Он слышал крик бьющейся в его руках Кристи, но не понимал слов. В голове у него билась только одна мысль, одно желание: скорее наружу. А чудовище все ближе. Уже его зловонное дыхание холодит волосы на затылке. Алекс, не останавливаясь, перебрал Кристу на плечо, выхватил револьвер и, не целясь выстрелил в настигающую их чудовищную обезьяну.

В то же мгновение страшная сила скрутила его и бросила о стену. Алекс с Кристой на плече пролетел сквозь каменную стену, как сквозь поток воды, и упал у сияющего светом выхода из Лабиринта.

Когда солнце и смех карнавала ударили Алексу в лицо, лицо «чудика», он уже знал, что Криста мертва.

Ее лицо поразило зевак: на нем не было гримасы страха, а только жалость и грусть.

И вот Алекс снова идет в «Лабиринт ужасов». В прошлый раз Криста оказалась сильнее. Она увидела и поняла там нечто, что лишило ее страха, и без чего она не смогла жить. Толпа расступилась перед Алексом. Вот и вход. Но что это? Алекс увидел, как Эл входит в Лабиринт. Вдруг раздается крик ужаса. Толпа замирает. Из Лабиринта появляется свирепая мохнатая обезьяна. Корча рожи, она прыжками двинулась на толпу. Площадь мгновенно опустела. Алекс медленно пошел навстречу своему врагу. Внезапно раздался знакомый смех, и из –под маски чудовища выглянуло лицо Эла. Карнавал вновь ринулся на площадь. Эл, картинно кланяясь, поскакал к Лабиринту, и вдруг вопль ужаса опять потряс всех. В каменном зеве Лабиринта показалось НАСТОЯЩЕЕ чудовище. Это поняли все. Они стояли почти рядом – Эл и ОНО. Глаза чудовища кого-то искали в толпе. И вот они встретились с глазами Алекса. В голове Алекса что –то вспыхнуло. Он понял! Он вспомнил, что кричала ему Криста.

И тут раздалась выстрелы. Согнувшись чуть не вдвое, Эл разрядил свой револьвер в стоящее рядом с ним НЕЧТО.

–Что ты наделал, мерзавец?! – Закричал Алекс, встряхнув Эла, как тряпичную куклу. Ведь ты стрелял в СЧАСТЬЕ!

И, отшвырнув с пути безвольное тело, Алекс бросился в Лабиринт.

Отец

«Чертовски трещит голова. Если так будет продолжаться и дальше, то меня увезут с этого проклятого острова законченным алкоголиком. Проклятая жара! Проклятые дельфины и, вообще, проклятая жизнь! Вчера с подводной лодкой пришло письмо от Дитриха. Он уже оберст. Получил из рук самого фюрера «железный крест». Самодовольный болван! На его месте и я бы... А вот посидел бы мой братец два года в этой экваториальной теплице! Кругом, кроме маньяка профессора с идиотом ассистентом и дельфинов ни одной живой души! Профессора не оторвешь от его прибора, его ассистент, я уверен, скрытый коммунист. Скука, хоть волком вой! Хорошо хоть профессор по моей просьбе включил в список необходимых для опытов препаратов спирт.

Господи, до чего я дошел! Как последний подонок пью целыми днями в одиночестве! Лодка из центра приходит раз в месяц, доставляет продукты, почту, необходимое оборудование, будь оно проклято!

Два года на этом атолле... Боже, какой я был идиот! Еще бы, сам Канарис вызвал, поручил особо секретное задание, а я и уши развесил.

Вначале все шло прекрасно. Подводная лодка доставила нас на этот огрызок суши посреди бело-голубого океана. Белый песок, пальмы, кокосы, крабы! Казалось, сбылась мечта маленького Вилли, сына известного ваймарского булочника. Мы с ассистентом весело плескались в парной лагуне, ловили дельфинов. Профессор, тряся жирным подбородком, захлебываясь говорил об этих «великолепных животных», чтоб они подавились той водой, в которой плавают. Восхищался их сообразительностью. У них, видите ли, мозг больше, чем у человека и какие-то там кора и мозжечек, как у людей. Даже есть своя речь. Вот профессор и бьется над прибором-переводчиком их речи.

Раньше я считал Канариса гением. Еще бы, заставить служить фюреру дельфинов! Дельфин-разведчик, дельфин-диверсант! Зачем рисковать цветом нации. Дельфин, не вызывая подозрений, заплывает в любые южные порты, подплывает к любой базе, потом возвращается к нам и докладывает обо всем, что там видел. Или навешиваешь на дельфина мину. Он плывет, куда приказано, и неожиданно тонут корабли. Взрываются доки.

К черту дельфинов-шпионов, к черту Канариса! Война уже близится к концу, а я...

Профессор с ассистентом как всегда возьмется у лагуны. Боже, какая жара! И как профессор может торчать на самом солнцепеке? Последнее время его низенькая, истекающая потом, жирная фигура в длинных, выгоревших на солнце трусах раздражает меня. А в ассистента я бы с наслаждением разрядил свой парабеллум. Кажется, он был чемпионом Берлина по плаванию. Ишь, сволочь, как плещется вместе с дельфинами. Всем своим видом показывает, что лагуна мала для него. Эх, всадить бы пулю! Интересно, попаду я отсюда в его белую макушку? Когда-то я тоже был таким. Стройным, мускулистым. Настоящая “белокурая бестия”. Черт, бутылка уже пуста! Ну вот, бегут назад с магнитофоном. Что там случилось? Неужели профессор наконец сделал свой проклятый прибор?

Голова, как котел. Так и гудит. А во рту какая-то гадость. Что там профессор вчера говорил? Кака-то галиматъя насчет дельфинов. Будто бы они и не дельфины вовсе, а шпионы. Ха-ха-ха! Мы хотели сделать из них шпионов, а они уже шпионы! Не наши, не русских, а каких-то недочеловеков из космоса. Бред какой-то. Неужели я допился до белой горячки? Канарис благодарит за работу. Скоро пришлет новые инструкции. К черту инструкции! Мне надоел этот остров, надоело жить без женщин. Сейчас прикажу профессору узнать у дельфинов, где эти существа, для которых они собирают информацию. И пусть расскажут все об их оружии. Короче, Дитрих, ты воюй на своем восточном фронте, кичись, что ты оберст. А я со своим взводом дельфинов приведу фюреру новых рабов, рабов из космоса и океана!

Опять у меня на дороге этот ублюдок-ассистент. До чего я его ненавижу! Не говорит, а прямо цедит сквозь зубы, мерзавец! Оказывается где-то в глубинах океана находятся мощные станции, передающие собранные дельфинами сведения куда-то в космос. Мы, видите ли, должны свернуть эксперименты с дельфинами и выпустить их из лагуны в море. Дельфины, цедит он с презрительной миной, передают информацию, специальным, как он сказал, роботам. И при этом так посмотрел на меня, что я чуть не врезал ему бутылкой меж наглых голубых глаз. А профессор ничего не слышит, так занят своим прибором.”

Здравствуй, сынок!

Получил твой новый рассказ. Жаль, что нет конца. Но, по моему, рассказ может получиться. И интересным. Вот только там есть несколько неточностей, повторов и недосказанностей. Посмотри их, пожалуйста. Я их все пометил.

1) Кто такой Вилли? Судя по всему, он служил у Канариса. Но об этом можно только догадываться. И главное – какова его роль на острове? Какова его задача? В рассказе он лишь пьет. Надо шире дать его образ, раскрыть его ЗАДАЧУ, иначе “майор Вилли” так и останется безликим пьяницей – надзирателем, роль незавидная даже для РЯДОВОГО СОЛДАТА.

2) Так же слабо разработан образ ассистента. Чем он занимается? Почему и за что ненавидит его Вилли? Почему считает его скрытым коммунистом?

3) Немцы – фашисты в те годы были настолько фанатично преданы идеям фашизма и настолько были вымуштрованы, что не смогли бы даже в мыслях послать к черту Канариса, главу абвера. А Вилли фашист до мозга костей! И Канарис для него должен быть как Бог. Ведь не секрет, что почти до последних дней войны фашисты, умирая, шептали имя Гитлера. Но не проклинали его, не посылали к черту. А Канарис – выразитель и исполнитель идей Гитлера.

4) Мало в рассказе действия. Где, например, находится Вилли? В палатке, в долине, на берегу лагуны? Что он делает – лежит, сидит, ходит? В какое время происходит действие рассказа – в один и тот же день, час, неделю?

А вообще – молодец! Только не торопись! Думай больше. Думай шире! По десять раз перечитывай уже написанное и по столько же раз его переписывай. И побольше действия! Характеров, обстановки...

Папа.

“Ужасно болят глаза, а в теле какая-то противная слабость. Канарис пока ничего не знает. Я сообщил ему по радиации условной фразой, что профессор сделал, наконец, свой прибор. Не может быть, чтобы у этих роботов не было оружия. Я брошу это оружие к ногам фюрера!

Профессор, истекая потом и слюной, говорит, что ему некогда. Он спешит к дельфинам. Ничего, пузан, подождешь. Сначала доложи мне, и по-подробнее, обо всем, что узнал.

Так, инопланетяне прилетели на Землю, когда людей еще не было. Черт побери, а кто-же был? Ведь не господь-же их встречал? Ассистент, сволочь, откровенно скалит свои удивительно ровные, сверкающие, как у негра, зубы. Погоди, парень, когда-нибудь я приду по ним своим сапогом! Что там болтает этот раздраженный индюк? Инопланетяне, оказывается, решили заселить нашу Землю. Но их родная планета очень далеко. Пока долетишь туда и обратно пройдут сотни лет. Им нужно знать, как изменится Земля. Для этого подобрали из местных животных наиболее подходящих и сделали из них биороботов. Именно поэтому предки дельфинов заселили море, а предки человека остались на суше. Что он говорит? Предки человека?! Но случилось непредвиденное, брюзжит профессор. Биороботы суши почему-то резко изменились, и в результате появился человек. Инопланетяне сначала не поняли, что произошло. Они приказали по радио дельфинам во чтобы-то ни стало наладить контакт с биороботами суши, но человек уже забыл о своей “программе”. Остатки этой программы иногда проявляются у некоторых людей в виде телепатии, телекинеза и т. п. Когда же инопланетяне поняли, что произошло, дельфины уже утратили телепатический контакт с человеком. Вернее, они утратили его, как только биоробот стал человеком. Инопланетяне отбросили мысль о заселении далекой Земли, но с большим интересом следят за развитием неожиданно возникшей цивилизации и ждут момента, когда можно будет вступить с ней в контакт.

Черт побери, чего это ассистент такой хмурый? Профессор все трясет своим жиром. Ладно, говорю, катись к своим биороботам. У меня осталось всего десять бутылок, а лодка придет только через неделю. Видно все же придется сообщить Канарису... Черт, это же повод вырваться с этого проклятого острова! Ведь не по радио же я буду докладывать обо всей этой чертовщине! Только лично!

Осталась одна бутылка, а лодки все нет. Что это бубнит профессор? До чего мне все надоело! Дельфины прекратили разговоры. Ну и что? По сравнению с пороссячьими глазками, нос профессора выглядит широким, как клюв у гуся. Оказывается до сих пор профессор с помощью своего прибора подслушивал лекцию дельфина-учителя недавно родившемуся детенышу. А сегодня, как по сигналу, не только лекция, но и простые разговоры между

дельфинами резко прекратились. Причем ночью кто-то стер все магнитофонные записи. Отвисшие, как у бульдога, щеки профессора обиженно дрожат, стекающий по ним пот похож на обильно льющиеся слезы. А где ассистент? Ах, он спит! Среди бела дня, красная сволочь! Теперь-то уж мы с тобой за все сочтемся. Я пинком распахиваю дверь в комнату ассистента. Этот негодяй, точно подброшенный пружиной, вскакивает с кровати и, наткнувшись на мой кулак, падает на пол. Вот я прошелся по твоим зубам!

Мы стоим на берегу лагуны. Профессор с наушниками на голове пищит что-то в микрофон. Дельфины лениво плещутся в прозрачной воде, не обращая на нас никакого внимания. Достая парабеллум и приказываю передать микрофон ассистенту. Профессор развязывает ему руки и молча уходит. Ну, парень, говорю, спроси у своих друзей-дельфинов, есть ли поблизости станции-шпионы. А сам сажусь под пальму, направив дуло ему в брюхо. Если есть, пусть пригласят роботов к нам на остров. Мы дадим им мины, и пусть роботы доставят наши подарки на свои станции.

Ассистент брезгливо вытирает с наушников пот и, с трудом шевеля распухшими губами, тихо говорит что-то в микрофон. Дельфины, перепрыгивая сеть, перегораживающую выход из лагуны, исчезают в океане.

Сразу бы так, парень, говорю, и зубы были бы целы. Когда дельфины доставят первого робота, сразу беги за мной. Что за странная улыбка у этого парня? Черт, как я устал, надо бы выпить стаканчик для бодрости. Проклятая жара!”

“На объекте X обнаружены два человека. Судя по фотографиям это профессор N и майор K. Ассистент профессора бесследно исчез. Обойма парабеллума майора K пуста. Нигде никаких следов крови. Никаких приборов (в том числе рации) на объекте не обнаружено. Исчезли все записи и дневники. Ни в лагуне, ни вблизи объекта X не замечено ни одного дельфина.”

(Из доклада командира имперской подводной лодки Y-2).

“Двое пострадавших, доставленных в мою клинику, страдают совершенно полной потерей памяти. Не помнят даже своего имени. Оба обладают интеллектом пятилетних детей. Причины болезни неизвестны. Надежды на восстановление памяти нет...”

(Из доклада профессора S)

Здравствуй, сынок! Получил концовку твоего рассказа и снова пишу тебе. Ну вот теперь кое-что с рассказом прояснилось, вернее, с его идеей, сюжетом. К сожалению, как я и писал раньше, отдельные недостатки снижают в целом интерес к рассказу. Эти недостатки есть и в концовке. В частности, самый существенный из них – отсутствие фантастической новизны. Невольно возникает вопрос: о чем хотел сказать автор? О том, что наша земная цивилизация находится под наблюдением пришельцев из космоса? Но уж больно неудобно выбран момент – война и исполнители слежки – дельфины. Словно что-то многое недосказано, необъяснено. Да и что же предполагается дальше? Ведется ли сейчас наблюдение? Что изменилось за это время и т.д.

Вспомни “Аэлиту” Толстого. Земляне покинули Марс. Можно было бы на этом поставить точку (как сделал в своем рассказе ты). Но тогда потерялась бы достоверность (фантастическая, разумеется), что на Марсе есть жизнь. Толстой нашел выход. Он знал, что из космоса поступают радиосигналы и обыграл это обстоятельство. Помнишь, как Лось поймал однажды неизвестный сигнал из космоса и услышал: “Где ты, Сын неба?”. Концовка давала пищу для размышлений, рождала надежду, что все еще впереди и т.д. Но главное! Во имя чего написан рассказ? Тебе, как фантасту, надо четко уяснить две заповеди:

1) Писать не просто занимательно и интересно и РАДИ ИНТЕРЕСА ЧИТАТЕЛЯ, а выдвигать какую-то ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ИДЕЮ, ПРОБЛЕМУ!

Ну, например, Беляев поднимал проблему освоения человеком океана и воздушного пространства (“Человек-амфибия”, “Ариэль”), Жюль Верн – о возможных полетах в космическое пространство (“Из пушки на Луну”)...

При этом, как художники, они обыгрывали и человеческие судьбы, показывали существующий общественный строй, его достижения, вскрывали язвы и пороки общества.

2) При этом необходимо находить какую-то фантастическую (пока) новизну и обыгрывать ее и ОБЯЗАТЕЛЬНО НА СТРОГО НАУЧНОМ ПОДХОДЕ.

Например, брать в расчет уже имеющиеся гипотезы, фак-

ты (необъясненные), предположения и т.д. На этой основе Жюль Верн задолго до реальных открытий описал состояние человека в космосе (невесомость), подводную лодку и т.д. Нельзя фантазировать АБСТРАКТНО, ради фантазии. Это лишает достоверности, а во многих случаях подводит автора. Ведь читатель – человек образованный, может, даже побольше знает, чем автор. А ему дают такие открытия: оказывается в земном океане есть какие-то подводные базы пришельцев, которые с помощью дельфинов ведут наблюдение за землянами. Это не научно! Это фантазия ради сюжета. А так нельзя.

И последнее. Не торопись. Пиши подробнее. Тщательно шлифуй фразы. Вводи описания предметов, одежды, обстановки, чувств, действий. БОЛЬШЕ ДИАЛОГА! У тебя он практически отсутствует. Идет сплошное описательство. А так неинтересно. Выкинь у Дюма и Жюль Верна диалоги, ЧТО ОСТАНЕТСЯ? Убери у них описания обстановки – исчезнет КОЛОРИТ! Ну и т.д.

РАБОТАЙ! Больше работай, если действительно хочешь что-то сказать читателю.

Папа.

– Все бьешься со своей программой рецензента? Я к тебе обращаюсь, гений!

– А, это ты? По-моему, получилось! Полная иллюзия живого общения. На уровне переписки, конечно. Но можно в дальнейшем прикрутить и синтезатор речи.

– Это у нас с тобой уже давно полная иллюзия живого общения. Посмотри на меня, это я – твоя когда-то любимая жена, единственная, свет в окошке! Потрогай, я живая и теплая.

– Ты не поняла: программа выдает рецензии в виде писем отца к сыну. Это не просто набор фраз, а вполне полноценные письма, такие вполне мог написать настоящий отец сыну-графоману. Я так и назову программу – “Отец”.

– Кстати, ты поздравил своего отца с днем рождения? Я не о твоей проклятой программе! Я о твоём родном живом, пока, отце!

– Черт! Почему ты мне не напомнила? Это ведь твоя прямая обязанность. Я придал тебе, программе-секретарю, виртуальный облик и голос моей бывшей жены. Как ты ухитрилась приобрести и ее недостатки? Надеюсь, с “Отцом” у меня подобных проблем не возникнет..

Трагедия в Сахаре

Нет, сегодня пиво мне определенно не нравилось. Мой столик стоит в углу, куда мало попадает света. Я нарочно сел здесь. После той истории в Сахаре прошло три года. Я отрастил усы и бородку, но все равно каждый раз проходя по улицам опасаясь пули из проезжающих мимо машин. Нет, я не раскаиваюсь в том, что сделал. Скорее бы пришел Том. Без его поддержки и совета я сгину.

...Я сидел в баре, как две капли воды похожем на этот, когда вбежал Росс.

– Что случилось, Гарри? По твоему лицу можно подумать, что ты получил в наследство миллион.

Не отвечая, Росс залпом выпил мое пиво, плюхнулся на табурет и заказал виски. Несколько минут он буравил меня своими маленькими глазками, утопающими в жиру щек.

– У меня к тебе дело, Джек, – наконец прохрипел он. – Поехали ко мне.

– Что я у тебя не видел, – мрачно сказал я, вертя в руках пустой бокал. После того, как Гарри связался с мафией, наши пути резко разошлись. Кроме того, неделю назад меня вышибли из газеты.

...Когда мы пришли в домишко Росса, Гарри запер дверь и тщательно завесил окна.

– Неугодил чем-нибудь хозяину? – Насмешливо спросил я.

– Нет, просто нам не нужны лишние уши.

Плеснув в бокалы виски, он шепотом спросил:

– Скажи, Джек, тебе не хочется слетать в Африку?

Виски застряло у меня в горле.

– Куда? Ты что, много выпил сегодня?

– Я не шучу, Джек. Хочешь стать миллионером?

Я внимательно осмотрел его полную низенькую фигуру, напряженно застывшую предо мной. Розовая лысина, покрытая капельками пота, блестела в свете лампочки. Острые глазки внимательно и трезво смотрели на меня. Нет, на сумасшедшего он не похож.

– На какие средства?

– Не беспокойся, Джек, денег хватит. Нашу поездку финан-

сирует сам босс. С нами полетит Билл Джексон, личный телохранитель босса.

– Нет. Я не хочу иметь дела с мафией, – резко ответил я. – Спокойно, Джек! Все будет в рамках закона. Я настоял на твоём участии в экспедиции, потому что Билл может вернуться из Африки и без меня. А тебя я знаю с детства, ты ведь не пришьёшь меня ради денег. Соглашайся, Джек! Твоя совесть будет чиста, это я тебе обещаю. Ты сейчас безработный, а из Африки вернешься миллионером.

– Откуда мы возьмем эти миллионы?

– Месяц назад я получил письмо. В нем сообщалось, что умер мой дядя и оставил мне в наследство старый дом на берегу Огайо. Я, конечно, сразу поехал туда. Это оказался большой старинный дом. В нем жил еще мой прадед. И вот, осматривая подвал, я нечаянно оперся о еле заметный выступ в стене, и вдруг предо мной открылся тайник. Об этом тайнике не знал никто, кроме моего прадеда, построившего этот дом. Я увидел старинный свиток. Это было завещание. Вот его копия.

Заинтригованный рассказом, я взял из рук Гарри «Завещание».

Мой далекий потомок! Я открою тебе великую тайну! Повторив мой подвиг, ты прославишься на весь мир.

Путешествуя весной 1799 года по Африке, я с двумя спутниками решил пересечь Сахару по руслу пересохшей реки. Мы дошли до невысоких гор посреди пустыни. Там, в пещере, где скрывалась река, мы нашли большой ящик. С трудом вскрыв его, я и мои товарищи нашли то, что навеки прославило бы нас и сделало владыками мира. Но эта находка и погубила нас. Я остался один, спрятал ящик там, где мы его нашли. Долго я брел по пустыне. Умиравшего от голода, жажды и солнечных ожогов меня подобрал арабский караван. Если ты чист душой, пройди по моим следам. Если тебя обуревают тщеславие и алчность, оставь мое завещание на прежнем месте, иначе тебя ждет гибель.

Артур Джон Росс, 15 мая 1812г.

– Дальше была нарисована карта. Как видишь, Джек, все будет вполне законно. Обычная археологическая экспедиция. Мой предок наверняка нашел неразграбленное захоронение

какого-нибудь фараона. Соглашайся! К тому же, у тебя теперь нет выбора, дружище: босс согласился на твое участие в деле, но если ты против, то... Лишних свидетелей никто не любит.

...Белое солнце невыносимо пекло. На ослепительно голубом небе не было ни облачка. Чуть не теряя сознание, блуждали мы по раскаленным камням нагорья Ахачгар. Ночью мы дрожали от холода. Тесно прижавшись друг к другу, лежали в палатке, стараясь уснуть. Три недели мы искали эту проклятую пещеру. И вот, наконец, цель нашей авантюры перед нами: небольшое черное отверстие в выжженной белой скале. Бросив у входа снаряжение, мы с трудом протиснулись в него. В свете фонарей перед нами открылся широкий туннель. Прохладный ветерок приятно освежал разгоряченные тела. Удивительно ровный коридор вел вглубь горы.

После одного из поворотов в свете наших фонарей блеснула вода. У наших ног лежало небольшое круглое озеро. Прозрачные струи играли в лучах света. Но самым удивительным была радуга. Прекрасная, она висела прямо перед нами, образуя своеобразную арку над озером. В восхищении мы смотрели на это чудо.

Гарри первым вспомнил, зачем мы здесь. В нетерпении он бросился к озеру. Тут только я заметил, что в озере плавает какой-то длинный ящик. Билл прыгнул в воду. Гарри возбужденно бегал по берегу, нетерпеливо взмахивая руками. С трудом извлекли мы скользкий ящик из воды. При этом он перевернулся, и мы отшатнулись. Перед нами был саркофаг. Черный снизу и по бокам, сверху он был прозрачен. И сквозь эту прозрачную крышку мы увидели ЕГО. Он был одет в легкий серебристый скафандр. На голове круглый прозрачный шлем с расходящимися в разные стороны короткими трубками. Тонкие четырехпалые руки сложены на груди. Огромные фасеточные глаза без век, казалось, смотрят сквозь нас.

– Ничего себе, наследство! – Процедил Билл. – Стоило тащиться сюда из-за этой падали!

– Идиот! – Прокричал Гарри. – Ведь это целое состояние! Джек, Билл, берите саркофаг и тащите к выходу.

Удар в челюсть бросил меня на камни. Билл с пистолетом в руке стоял над Гарри.

– Ты что же, сволочь, вздумал надуть босса? Где твои со-
кровища?

– погоди, Билл, я сейчас все объясню, – лепетал Гарри, прижимаясь к стене. Это ведь инопланетянин! Мы продадим его ученым или будем показывать за деньги!

– Кто даст миллионы за эту падаль? – Прорычал гигант. – Босс угробил на эту поездку кучу денег.

– Не убивай меня, Билл! – вскрикнул Гарри. – Давай сначала сообщим обо всем боссу. Пусть он решит, что делать.

Пухлое тело Росса вжалось в стену, вскинутые в мольбе руки дрожали. Подцепив носком левой ноги пятку верзилы, я правой с силой ударил его под коленку. Билл упал. Запоздало пргремел выстрел, многократно повторенный и усиленный пещерой. Вскочив, я бросился к ганстеру, но он лежал без движений. Упавший фонарь освещал его голову. По щеке от виска бежал тонкий алый ручеек. Видимо, падая Билл ударился обо что-то. Я повернулся к Гарри. Тот ничком лежал рядом с саркофагом. Пуля ганстера, срикошетив, все же нашла свою жертву.

Я сидел на раскаленном песке, тупо глядя на саркофаг. Кто он, этот пришелец? Две группы людей в разное время нашли его и сразу же произошли две трагедии. И в том и в другом случае в живых остается всего один человек: Росс, оставивший туманное завещание и я. Крышка саркофага почти исчезла в белых лучах африканского солнца, и я отчетливо видел фигуру в серебристом скафандре.

Пришелец приблизительно с меня ростом. В глаза бросается великолепная фигура атлета. Тонкая ткань скафандра обтягивает могучие мускулы. Вот только черты лица удивительно мелкие.

А что это за красная точка на крышке? Неужели кровь Гарри? Я пытаюсь стереть эту каплю, но едва только дотрагиваюсь до нее, как крышка бесшумно поднимается. Теперь меня подгоняет навалившееся внезапно любопытство. Я жадно разглядываю Пришельца. Сильные ноги кажутся коротковатыми. Мускулистые руки оканчиваются четырехпалой кистью с удивительно тонкими и гибкими пальцами без ногтей. Осторожно снимаю шлем. Передо мной голый шар. Ни малейшего намека на то, что у Пришельца когда-то были волосы, усы, борода или брови. Гладкая розовая кожа покрывает череп мыслителя.

Уши, нос, рот сравнительно мелки. Зато глаза великолепны: огромные, фасеточные, как у насекомых. Кожа гладкая и теплая. Передо мной несомненно не мумия, но и следов тлена не видно.

Солнце печет нестерпимо. Моя шляпа осталась в пещере. Интересно, спасет ли меня шлем Пришельца от зноя Сахары? Я надеваю шлем, и мне сразу становится легче. С удовольствием вдыхаю чистый, прохладный воздух. Неужели атмосфера планеты Пришельца такая же, как у нас, на Земле? Откуда же Он? Почему оставлен на Земле? И тут я потерял сознание. Вернее потерял свое сознание, но приобрел его! Я стал ИМ. Его глазами я видел нашу Землю: мрачные влажные джунгли, болота, огромных ящеров, пожирающих друг друга, первых крысоподобных млекопитающих. Пришелец был стар. Теперь я знаю все. Однажды, стоя на берегу моря, он вспоминал все моря, виденные им на других планетах. Его всегда поражало, что на каждой планете свое море, не похожее на другие. А это, плещущееся у ног, удивительно похоже на море его родной планеты. Такое же голубое, свежее. Огромная крылатая тварь спикировала на Пришельца, оскалив зубастый клюв, и сраженная плазменной струей упала в море, где ее тут же проглотила другая тварь. Могучее, закаленное тело старого звездолетчика легко выдерживало стартовые перегрузки. Но сердце не выдержало тоски по родной планете, которую так неожиданно остро всколыхнуло плещущееся у ног море. По обычаю космических разведчиков старого десантника похоронили на планете, получившей с этого момента его имя.

Я очнулся от холода. Светлое небо, усыпанное крупными яркими звездами, шатром висело над нами: надо мной и им. Я уже не мог думать о нем, как о мертвом. Ведь я был им. Дрожа от холода, я протянул руку за одеялом, и тут случилось невероятное. Едва я протянул руку, раздалось грозное шипение. Треугольная голова змеи с холодными точками глаз медленно поднялась над кольцами тела. Оцепенев от ужаса и омерзения, я не в силах был пошевелиться. И вот в ту секунду, когда свернувшаяся в тугую пружину змея готова была броситься на меня, из трубки на шлеме неожиданно вырвалась огненная струя. Тело змеи мгновенно обуглилось.

Я сидел, тупо глядя на догорающее одеяло. Оказывается,

грозное оружие Пришельца действует до сих пор! В последствии я много думал над этим. По видимому, струя плазмы выбрасывается в сторону опасности по мысленному приказу. А может, из раструбов на шлеме бил смертоносный луч, попутно превращавший окружающий воздух в плазменный шнур. Поразительно сходство человека и Пришельца, раз я смог увидеть память, сохраненную в запоминающем устройстве шлема и даже привел в действие грозное оружие защиты.

Внезапно я услышал сигнал вызова, доносящийся из кабины вертолета, и вспомнил, что пропущено уже два сеанса связи с боссом. Я уверен, что босс послал своих людей следить за нами. Если так, то скоро они будут здесь. Надо действовать, пока их вертолеты не нашли эту стоянку.

Взрыв завалил вход в пещеру. На это ушел почти весь наш динамит. Догорала палатка. Я сидел в маленьком вертолете и курил. И думал о том, что надо скорее улетать, улетать куда-нибудь подальше от этого страшного места. Через два часа сеанс связи с боссом. За эти два часа я постараюсь улететь поближе к границе и там остатками динамита взорвать вертолет вместе с трупами ганстеров. Я постараюсь исчезнуть. Так исчезнуть, чтобы мафия не заподозрила, что я жив. Пусть босс думает, что вертолет потерпел аварию, и экспедиция погибла. А уж я постараюсь, чтобы завешание Артура Росса попало в чистые руки.

Глава II. ВОСПОМИНАНИЯ

Злая любовь

Мы познакомились во времена перестройки. Я ушёл с завода на «вольные хлеба» и устроился работать в одну фирму, где и с дисциплиной было попроще, и зарплата повыше. Коллектив был небольшой: около дюжины человек. Каждый был на виду и занимался своим делом, то есть своей частичкой общего дела. И только один маленький человечек этаким гномом сидел в отдельной комнатке и заполнял какие-то карточки, которыми никто никогда не пользовался. В курилке Тимофей не появлялся, обедать уходил домой, в обсуждениях текущих проблем не участвовал. По слухам, гном был каким-то дальним родственником директора фирмы.

И вот, однажды, «забив баки» одному из заказчиков, фирма получила крупный кусок в виде предоплаты. Данное событие решено было соответственно отметить. Были накрыты столы, закуплены соответствующие снедь и напитки, и «процесс пошёл». Я оказался за столом рядом с Тимофеем, о чём в дальнейшем крупно пожалел. Как говорится, после первого же стакана мы «подружились». Оказалось, Тимофей в своей комнатке читал различные газеты и журналы и, если находил что-либо относящееся, по его мнению, к темам наших разработок, заполнял соответствующую карточку, куда вносил тему, название и автора статьи, номер и название газеты или журнала.

После первой рюмки за успех «фирмы», вторую мы с Тимофеем, независимо от провозглашённого тоста выпили за знакомство, а после третьей наше общение практически прекратилось, так как пить он совершенно не умел, быстро окосел, заляпал очки салатом, а его и так нуждающаяся в помощи логопеда дикция стала совершенно невозможной для полноценной беседы.

В последующие дни Тимоха уже не торчал безвылазно в своей каморке, а стал наносить визиты мне. У него оказалась «жуткая личная драма», которую и мне в своё время пришлось пережить, о чём я имел глупость по пьяни ему тогда поведать. Тимоха разрывался между женой и матерью. Жену бедняга любил, а вот его маме она, естественно, не нравилась, чего свекровь даже не пыталась скрывать, а наоборот всеми способами и средствами демонстрировала. Жену подобная жизнь, конечно, не устраивала.

«Что мне делать?» — мямлил Тимоха, скорчившись на краешке моего рабочего стола. В голосе его пузырились сдерживаемые слёзы, очки сползали на кончик носа, а руки судорожно теребили листки бумаги с моими набросками схем или смешивали, как костяшки домино, разложенные мною в определённом порядке микросхемы. Поначалу я пытался вести с ним «воспитательные» беседы, суть которых можно кратко выразить одним тезисом: не можете ужиться под одной крышей — разъезжайтесь, благо жил Тимофей не в коммуналке, а в отдельной трёхкомнатной квартире. Но этот путь его категорически не устраивал. Он не мог оставить в одиночестве любимую маму, которая, как оказалось, часто болеет.

«Кто за ней будет ухаживать?» — возмущённо взблеивал он, комкая в трясущихся от возмущения ручках мой последний эскиз.

«Тогда потребуй от неё оставить твою жену в покое. Как же другие всю жизнь в коммуналках да общагах живут? Хочешь сохранить семью, образумь или укроти свою мать».

Он уходил, а я бежал в курилку, чтобы немного успокоиться, сбросить с себя груз его проблем и вспомнить последний вариант решения собственных, обдумывание которых так неожиданно прервал его визит.

Эти сцены повторялись всё чаще и продолжительнее, наши аргументы и контраргументы стали напоминать заезженную пластинку, моё сочувствие сменилось раздражением. Визиты Тимофея отвлекали меня от дела, а сроки сдачи работы неуклонно приближались. Заказчик требовал представления промежуточных результатов. Начальник тоже стал захаживать ко мне и интересоваться успехами. Пришлось таскать груз того, что не успел сделать или додумать на работе, домой. А это уже начало создавать напряжённость в моей собственной семье. Посему я прямо «намекнул» Тимохе, чтобы он прекратил свои визиты ко мне в рабочее время. Однако, начав исповедоваться, он уже не мог остановиться и окончательно вылез из своей берлоги, забросив прессу и карточки на произвол судьбы. Выходя в курилку, я тут же натыкался на его тоскливый взгляд бездомной собаки. Надо сказать, в то время я стал серьёзно подумывать о вреде курения. После работы на выходе Тимоху

теперь встречала жена, симпатичная маленькая девушка, напоминающая худенькую школьницу с измученным лицом. Они вместе шли в ясли за дочкой, а потом домой. Остаться наедине с его матерью она не желала.

Конечно, промежуточный результат мы выдали. Заказчику был представлен макет, который работал не более десяти минут. Но никто и не собирался демонстрировать его далее. Представитель заказчика подмахнул акт, на основании которого нашей фирме была перечислена оставшая часть договорной суммы на «изготовление рабочего образца и оформления необходимой техдокументации». Мы это дело соответственно «обмыли», а через месяц начальник заговорил о сокращении штатов.

Первым расчёт получил, разумеется, замучивший всех жалобами Тимоха. Получив непредвиденный удар, откуда и не ждал, бедняга впал в истерику. Маленький, как голодающий подросток, с залитыми слезами стёклами очков, он метался по комнатам, хватал всех за руки, пытаясь что-то сказать. Но его речь была ещё менее связной и разборчивой, чем у пьяного. Мы ничем не могли его утешить, ибо меч завис и над нами. Всем давно стало ясно, что превратить продемонстрированный заказчику макет в рабочее устройство невозможно. Для этого необходимо увеличивать габариты минимум в двадцать раз, что не допустимо техзаданием. Получив деньги, начальник решил закрыть фирму и кинуть заказчика, воспользовавшись «дымовой завесой» очередного перелома, провозглашённого Ельциным, влезшим по примеру Ленина на броневик. Мы поняли намёк и дружно бросились искать новую работу.

Второй раз случай свёл меня с Тимохой где-то через год. Я уломал директора своей новой фирмы поставить мне в квартиру телефон по коммерческой цене — по общей очереди мне пришлось бы ждать его в лучшем случае до пенсии, а провозглашённый в нашей стране курс на капитализм тут же породил наряду с долголетними «государственными» очередями мгновенные «коммерческие» блага.

И вот новенький телефон стоит на журнальном столике. Мы всей семьёй сгрудились вокруг, лихорадочно соображая: кому бы позвонить? Через несколько часов однообразных

кудахтаний в запотевшую трубку страсти несколько поутихли, дети побежали по друзьям собирать номера телефонов, жена ушла на кухню готовить праздничный ужин, а я, лениво перелистывая старую записную книжку, вдруг наткнулся на телефон Тимофея. И вновь чёрт меня дёрнул позвонить!

Тимофей был дома и очень обрадовался моему звонку. Оказывается, ему некому было поплакаться, а я уже призабыл, как он это умеет делать. Короче, прервать его монолог я смог лишь через час под предлогом поданного женой ужина. Но он выклял-таки номер моего телефона и перезвонил через полчаса, оторвав меня от десерта.

Жена всё же ушла от него. Забрала трёхлетнюю дочку и уехала к маме в Самару. Тимофей так никуда и не устроился на работу. Вспомнил хобби, достал свой старенький ФЭД, ходил по школам, делая групповые фотографии классов, по детским садам и окрестным деревням. Словом, стал частным фотографом, благо никаких лицензий в то время для этого не требовалось. Денег катастрофически не хватало, тем более что кроме химикатов и фотобумаги надо было ещё приобретать кучу лекарств для его мамочки, которая не на шутку разболелась после нервного развода любимого сыночка.

«Почему бы тебе не вернуться на завод в своё конструкторское бюро?» — Спросил я. — «Там сейчас мужики в цене, так как дельные разбежались по различным фирмам и кооперативам, а от девчонок никогда толку не было».

«Что ты! А мама? На заводе надо отсидеть восемь часов, да час — обеденный перерыв, да дорога туда и обратно около часа. Десять часов одна, без присмотра! Лучше уж я останусь фотографом. Сам себе хозяин: надо — дома сижу, маме лучше — пробежусь по объектам: заказы собираю или в магазин с аптекой».

«У вас же, помнится, садовый участок имеется? Почему бы тебе его не продать? Вы с твоей мамой там уже давно не бываете, всё, небось, бурьяном заросло. Продай, найми медсестру-сиделку и устройся на нормальную работу. Или обменяйте квартиру на меньшую, с доплатой. Ты же молодой парень, тебе всего двадцать пять лет. Мама мамой, но надо же и о своей жизни подумать».

«Обменять мамину квартиру?! Да ты что?! Она в ней

всю жизнь прожила. Да и жена, когда вернётся, где меня искать будет? А участок — для моей дочки. Приедет, будет свои ягоды и фрукты кушать. Всё натуральное, без нитратов. А маму я никакой сиделке не доверю».

Он звонил каждый день. Если мои близкие отвечали, что меня нет, Тимофей перезванивал через каждые полчаса, пока я не брал трубку. Он отравил нам всю радость установки своего, домашнего телефона. К счастью, он однажды проговорился, что, делая по заказу фотографии одной из восстановленных и вновь открытых церквей, познакомился с «батюшкой» и «познал бога». Я тут же отфутболил его к своему другу, столь же внезапно «вернувшемуся в лоно церкви». Звонки Тимофея ко мне прекратились, зато взвыл тот мой друг и при первой же встрече выразил мне «благодарность» за столь «ценное» знакомство.

Прошёл год, или полтора. Как-то, выходя с фотовыставки, я столкнулся с бомжеватого вида недомерком. Тимоха! Грязный мятый плащ с болтающейся на длинной нити полуоторванной пуговицей на рукаве, заляпанные давно засохшей грязью расхлябанные ботинки со связанными из разноцветных кусочков шнурками, небритое исхудалое лицо, покрытое ссадинами и изжелто-зелёными синяками, одна дужка очков перевязана синей изолянтной лентой, одно из стёкол пересекает паутина трещин, другое заляпано чёткими отпечатками пальцев. И сшибающий с ног запах многодневного перегара!

«Ё-моё! — невольно воскликнул я. — Что с тобой случилось?»

«Да вот, привязались какие-то подонки, избили, фотоаппарат отобрали».

«Я не о том: как ты дошел до жизни такой?»

«Мама умерла, — заплакал Тимоха. — С полгода уже. Пришлось сад продать, чтобы денег на похороны достать. А потом меня ограбили. Выбили дверь и вынесли всё ценное, что оставалось. И соседи, гады, говорят, что ничего не видели и не слышали!»

«А как жена, дочь?»

«Как мама умерла, я им написал, чтобы возвращались. Жена ответила, что вышла замуж, и дочка называет нового мужа папой. А я им не нужен, и письма мои не нужны»

«И как ты теперь? Зачем здесь?»

«Так здесь, на выставке, половина фотографий — мои. Он у меня их купил, вместе с негативами. Пусть поделится. А тебе виды Коломны не нужны? У меня ещё много осталось, смотри».

Тимоха вынул дрожащими руками из драного кармана пачку фотографий. «Купи, трояк — штука всего».

«Да зачем они мне? В семейный альбом не положишь, а выставки я не устраиваю».

«Ну, купи хоть пару, — начал клянчить он. — На выставке такие по пятёрке идут».

Я выудил из кармана всю мелочь — набралось около семи рублей — и протянул Тимохе. «Спасибо тебе, — радостно забормотал он, протягивая мне пачку фотографий. — Вот, выбери себе, какие хочешь».

«Да ладно, — отмахнулся я, — зачем они мне. Лучше я тебе вечером звякну, вдруг нам схемки какие перефотографировать надо или чертежи».

«Так, ведь, фотоаппарат-то у меня отобрали».

«А мы тебе свой дадим. Жди вечером звонка».

«Нет, не дозвонишься. Я на днях телефон уронил. Вдребезги. И ремонтировать не стал. Зачем он мне: я никому не звоню, и мне давно никто не звонит. Лучше возьми фотки, хоть три штуки, если хочешь».

Я понял, что у Тимохи «горит». Получив деньги, он уже рвался бежать в магазин, за своей последней и единственной любовью. Любовью и мукой всех алкашей. И не разбил он телефон, понял я, а давно продал и пропил, тем более что номер всё равно наверняка отключен АТС за неуплату. Я молча вынул из пачки первые попавшиеся фотографии. Тимоха облегчённо вздохнул, торопливо попрощался и исчез за углом.

Прошёл ещё год, а, может, два. Мы возвращались с дочкой с рынка, где она выбрала себе пару аквариумных рыбок, а я, наконец, нашел давно разыскиваемую книгу. Жара стояла просто африканская. Асфальт размяк, с крыш гаражей капали слёзы смолы. Несмотря на раскрытые окна, дышать в трамвае было нечем. А тут, оказалось, что впередиидущий вагон сломался. На остановке собралась приличная недовольно гудящая толпа. Надо сказать, что к тому времени все трамвайные и автобусные остановки уже успели обрасти, как грибами, коммерческими киосками.

«Пойдём, выпьем лимонада, пока толпа не схлынет, — предложил я дочке. — Всё равно мы с тобой в эту давку не полезем».

Мы купили пару бутылочек «фанты», взяли бумажные стаканчики и устроились за одним из грибовидных столиков, вбитых хозяевами палаток в тени деревьев. Глядя на нас, народ с остановки потянулся к окошкам, в которых заманчиво белели тетрадные листочки с самой распространённой «рекламой» того лета: «Имеется свежее холодное пиво!».

Мы рассматривали нервно плавающих в полулитровой банке меченосцев, неторопливо попивали «фанту», как вдруг из кустов выползла грязная вонючая фигура и заковыляла к столикам.

«Вам бутылки не нужны?».

«Тимоха!» — с ужасом понял я. Давно небритый и невымытый, в каком-то рванье, без очков, в коросте грязи и синяков. Он нетерпеливо переминался, ожидая ответа. Глаза его шарили по столикам, на людей он их не поднимал.

«Эй, прыщ, забери!» — барственно — презрительно крикнул кто-то от «пивных» столиков, и Тимоха тут же радостно заковылял на зов. Я увидел, как он торопливо поднял брошенную в траву пустую бутылку, быстро обтер её полой драной непонятного цвета рубахи, что-то подобострастно буркнул «благодетелю» и засеменил к окошку приёмщицы.

«Пойдём, пройдемся пешком», — предложил я дочке. «Фанта» комком стояла у меня в горле. А, может, это была и не «фанта», а душившая меня ярость. Интересно, о чём думала, умирая, мать Тимохи? Поняла ли, что своей эгоистичной любовью исколечила и погубила сына? Или радовалась, что ни с кем его не делит, что он только её? А, может, жалела, что не может забрать его с собой, чтобы никому другому, вернее, другой не достался? И, если есть тот, иной мир, что она сейчас видит оттуда и о чём думает? Как высший судья оценил её поступок? Ведь, она искренне была уверена, что желает и делает сыну только добро?

Прошла осень, потом — зима, а весной начали «всплывать» трупы, которые объединило в одно уголовное «дело» несколько общих обстоятельств: всё это были люди одинокие, нигде не работавшие, незадолго до исчезновения оформившие продажу своих квартир.

Их никто не искал, их никто не любил...

Мои невесты

– Привет, невеста! – улыбаюсь я. И получаю в ответ осуждающе недоуменный взгляд. – Взвесьте мне десяток бананов. – Убираю с лица улыбку и перехожу на «Вы».

Она меня не узнала. Конечно, прошло тридцать лет, но я-то её узнал! Разглядел в этой раздобревшей мрачной и усталой бабе ту шестилетнюю девочку, которую целую жизнь назад звали моей невестой. Она не была первой. До неё у меня уже были две -три невесты.

Я рос без отца. Мама работала в две смены на двух станках, училась на заочном в педагогическом, и поэтому до школы я часто неделями, а то и месяцами, жил у бабушки, особенно, летом. Во дворе бабушкиного дома я и нашёл свою первую невесту. Сейчас уже я даже не могу припомнить её имя. Нам было где-то по два-три года. У неё были смуглое от природы лицо, коленки в болячках от ушибов и какой-то дефект речи. Этот дефект, а также пара белых пигментных пятен на одной из щёк что-то затронули в моей душе. Короче, однажды, когда мама пришла меня навестить, я торжественно представил ей свою невесту и заявил, что мы с ней поженимся, как только подрастём. Мама с бабушкой, конечно, всецело поддержали нас в столь важном намерении и тут же устроили торжественный обед. На обычный обед меня позвать было весьма затруднительно. Между прочим, у нас с моей первой невестой даже был свой собственный дом – в старой разошедшей лодке лежащей в палисаднике под чьим-то окном.

Однако, вскоре родители моей суженой куда-то переехали, и наш роман был прерван, а разлука омыта обильными слезами. Я грустил, не хотел жить у бабушки, и мама отдала меня в детсад. По крайней мере, мне приятнее думать, что причина была в этом. Это романтичнее, чем какие-либо бытовые и семейные неурядицы.

В детском саду у меня скоро появилась новая, вторая, невеста. Её звали Оля, и она была совершенно не похожа на первую. Чистенькая, коротко стриженная (чтобы не заводились вши), с нормальной дикцией. Я удивляюсь: кому пришла в голову идея одевать мальчиков и девочек в детских садах в одинаковую одежду? Конечно, в тогдашних магазинах не было особого вы-

бора одежды, но вот я гляжу на фото, где наш отряд, взявшись за руки попарно, куда-то идёт, ведомый лохматой воспитательницей, и не могу определить, кто мальчик, а кто девочка. У всех одинаковые трусики, майки, фартучки, панамки и «мальчишеская» стрижка-унисекс тех давних лет.

Мы быстро подружились с Олей. После первого «брачного» опыта меня совершенно не трогали насмешки мальчишек и дразнилки типа «жених и невеста», и потому они быстро прекратились. Мы с Олей постоянно были вместе и даже спали, можно сказать, в одной постели, так как наши кровати стояли посреди спальни и были сдвинуты вместе. От меня Оля узнала, чем мальчики отличаются от девочек, а я от неё, что такое глисты. Однажды она просто затащила меня в девчачий туалет, чтобы показать их, так сказать, в натуре, потому что это проще, чем пытаться объяснить словами. Как ни странно, необычность места, предмет разглядывания и отвратительный запах меня совершенно не смущали, а вот вид глистов и сам факт возможности их жизни внутри человека, видимо, поразили изрядно, раз я помню этот ликбез до сих пор!

После садика у меня появились сразу две невесты. Так как мама целыми днями работала, я свободно выбирал место игр: наш двор или двор бабушки. Между этими дворами было всего семь трамвайных остановок. Заблудиться я не мог – достаточно было просто идти вдоль трамвайных путей, никуда не сворачивая. Столь огромное расстояние между дворами моего детства гарантировало то, что мои невесты не знали друг о друге. Кто из них был третьей, а кто четвёртой, сейчас судить трудно. Помню только, что их обеих звали «Наташа», что для меня было весьма удобно. Раз моя первая невеста была с бабушкиного двора, то вполне допустимо считать третьей Наташу, которая была какой-то родственницей тёти Шуры, бабушкиной соседки по квартире. Она со своей мамой часто приходила в гости к тёте Шуре, а я навещал бабушку. Так мы и познакомились. С этой невестой мы пошли дальше предыдущих – стали учиться целоваться «повзрослому». Начали мы сеанс, конечно, на природе, в густой, высокой и душистой траве палисадника, а потом обнаглели и расположились прямо на дедушкином диване. Там нас и застукал Виталька, сын тёти Шуры, которого выставили из соседской комнаты «гулять», дабы не мешал взрослым разговорам и сплет

ням. К этому времени мы с Наташкой уже практически пресытились поцелуями, да и распухшие губы начали ощутимо побаливать. Поэтому громкие Виталькины насмешки я с облегчением воспринял как сигнал к окончанию урока. В дальнейшем, при встрече, мы старались оторваться от ревниво надзиравшего за нами Витальки и, уединившись где-нибудь, повторить урок.

Другая Наташа жила в нашем подъезде на первом этаже и была младшей сестрой моего друга Кольки. Как-то так получилось, что в нашем доме я был единственным ребёнком – «безотцовщиной». Мои родители развелись, когда я был совсем маленьким. Отношение к матерям–одиночкам в то время было очень недоброжелательным. Так как моя мама вынуждена была работать с утра до позднего вечера, я целыми днями торчал во дворе, и, соответственно, шипение и яд дворовых кумушек целиком доставались мне. Наверно, ещё и поэтому я так часто убегал к бабушке. Там я был просто внук, а здесь «сын этой», с которым «нормальным детям» дружить запрещали родители.

По выходным в нашем дворе появлялся ещё один «изгой». Тот самый Колька. У него были мать и отец, старший брат Вовчик и младшая сестра Наташка. Почему родители отдали своего среднего ребёнка в интернат на пятидневку, я не знаю. Жили они в отдельной трёхкомнатной квартире, зарабатывали достаточно. Отец, плюгавенький пьянчужка, которого все звали просто Шмулька, потому что никто не знал и не хотел знать его настоящего имени, работал шофёром и дважды падал вместе с машиной в реку с Щуровского моста. Мать, тётя Маня, работала посудомойкой в рабочей столовой, поэтому с продуктами у них никогда не было проблем. Они даже завели в сарайчике свиней, а когда одна опоросилась, принесли четырёх поросят домой, и те бегали по всей квартире, пока не подросли. Тётя Маня вёдрами носила с работы пищевые отходы, и из их квартиры несло, как из свинарника.

Видимо, Колька чувствовал некоторую свою отторгнутость от семьи. Мы сдружились и постоянно старались защищать друг друга в дворовых стычках. Колькин старший брат, Вовчик, почему-то старался заирать нас обоих. В будни защитить меня было некому, зато по выходным мы с Колькой, объединившись, несколько раз от души «объяснили» ему, что младших обижать нехорошо. Вскоре Вовчик перестал сам колотить нас, но посто-

янно старался натравить кого-нибудь из дворовых хулиганов.

Тётя Маня была очень рада, что мы с Колькой подружились. Она никогда не отзывалась о моей маме плохо и всегда ругала Вовчика, когда тот обижал меня или Кольку. Часто, заигравшись со мной во дворе, Колька отмахивался от зовущей обедать матери. Тогда тётя Маня выходила во двор, хватала нас обоих за уши и тащила за стол. Вскоре я бежал на её зов, как к себе домой. Мы вместе обедали, играли с поросятами, чистили их и за ними. А когда Шмультка начинал «воспитывать» сыновей, ремня доставалось и мне. Шмультка вообще часто буянил в пьяном виде. Тётя Маня была выше его почти на голову и массивнее, наверно, вдвое. Но почему-то никогда не сопротивлялась, когда муж распускал руки. Однажды мама зашла за мной в один из таких моментов. Она была с подругой. Тётя Лида ворвалась в комнату, зажала Шмультку головой между ног, спустила с него штаны и начала охаживать тем самым ремнём, которым тот только что бил жену.

– Лидка! Что ж ты делаешь? – Выл буян.

– Ты ж всё моё хозяйство наружу вывалила!
– Какое там хозяйство? – Басила тётя Лида. – Я вообще не вижу, чем ты сумел трёх детей настрогать!

– Лидка! Хватит!

– Терпи. Я тебе покажу, как жену бить!

– Она сама виновата! Я её прикрыл, а она бражку прячет.

– Как это прикрыл? Она что: от другого детей нагуляла?

– Нет. Дети мои. Но жили-то мы до свадьбы, а я на ней всё же женился, не бросил!

– Ах ты, гад! Так вот тебе ещё и за это!

Так мы и жили. Когда тётя Маня стирала, то, не слушая возражений, сдирала с меня одежду, давая взамен что –нибудь чистое из вещей своих детей. Когда у них был «банный день», тётя Маня запихивала в ванну сначала братьев, а потом нас с Наташкой. Наташка была года на три младше меня, и поэтому её мать не видела причины для меня стесняться. Она тёрла нас по очереди мочалкой, а потом вытирала одним огромным полотенцем. Именно после первого подобного купания нас с Наташкой стали звать женихом и невестой.

И вот теперь, через тридцать лет, я улыбнулся ей и сказал: «Привет, невеста!», а она меня не узнала...

30 января 2002 г.

О кошках и собаках, 60-е годы

В детстве я ненавидел кошек. И не только я. Все ребята нашего двора были единодушны в этом вопросе. Мы любили собак. Держать их в квартире в то время никому в голову не приходило: мы жили в коммуналках и о том, что где-то кто-то живет в отдельной, без соседей, квартире даже не слышали. Собак мы держали во дворе, в узкой зеленой зоне вдоль дома, огражденной низким, по колено, штакетником. Кормили сообща (кто-что упрет со стола), сообща играли с ними. И в то же время у каждой псины был свой вполне конкретный владелец!

А кошки жили в квартирах со своими хозяйками. Старыми (на наш детский взгляд) крикливыми бабами, постоянно гонявшими нас из-под окон: мешаем, дескать, им своим криком и собачьим лаем спать – это среди белого-то дня! (О том, что эти женщины и их мужья работают в три смены на заводе, мы не задумывались).

Хозяйки кошек воевали с нами ежедневно и неумоимо, отвоевывая дворовое пространство для своих пушистых любимцев. Они скандалили с нашими родителями, уводили собак в другие районы Коломны и бросали там в надежде никогда их больше не увидеть, отдавали владельцам частных домов для охраны садов от наших же набегов, ломали конуры.

Мы соответственно реагировали на агрессию: натравливали своих зубастых друзей на сытых кошек, загоняя их на деревья, где несчастные просиживали, пока голосащие хозяйки не бросались им на выручку.

В конце концов владелицы кошек и котов стали выгуливать их, как сейчас хозяева выгуливают породистых собак. Без поводка и намордника, конечно, но не спуская глаз. Тогда мы выработали “партизанский” метод борьбы с нашими общими врагами. Нужно было проходя мимо бдящих в оба глаза хозяек незаметно вынуть рогатку и влепить пушистому врагу заряд так, чтобы хозяйка не поняла, почему это ее любимица взвыла не своим голосом.

Так и продолжалась эта война. Хозяек кошек раздражали наши шумные игры под окнами, лай собак на прохожих (особенно по ночам), необходимость лично выгуливать кошек. Нас – привилегированное положение кошек (почему им можно, а собакам нельзя жить по людски?), их наглый высокомерный

вид, неожиданное перебегание дороги (сидит на обочине и вдруг, ни с того, ни с сего перебежит тебе дорогу и опять сидит уже на другой обочине!), но главное постоянные скандалы их хозяек и попытки любыми путями избавиться от наших собак.

И вдруг все закончилось. Вернее начался ужас, закончившийся всеобщей пустотой и ненавистью.

Однажды, возвратившись из школы, мы не нашли своих любимцев в палисадничке под окнами дома. Сначала мы решили, что наши враги применили старый прием: увели собак в другие районы города и там бросили. Мы хихикали, предвкушая вопли кошачьих хозяек, когда наших любимцев вернут. Ведь у ребят других районов Коломны были те же проблемы, что и у нас. Пройти по чужой улице было чревато тяжкими телесными повреждениями. Но “собачья конвенция” была составлена и утверждена бандами всех районов нашего небольшого городка. И мы сидели, хихикая и смоя подобранные по дороге из школы “бычки”, пока в окно над нами не высунулась утыканная бигудями голова и злорадно не возвестила, что всех этих блохастых, гавкающих и гадящих БРОДЯЧИХ тварей свели на мясокомбинат, где их перерабатывают на мыло, и что во дворе, наконец, будет покой и порядок. Мы не поверили. Просто не могли себе представить подобной жестокости у кого –нибудь, кроме фашистов из концлагерей. Мы бросились на поиски. Наплевав на осторожность и благоразумие мы поодиночке (для быстроты и широты охвата) ринулись прочесывать чужие районы и в конце концов, давась смрадом, собрались у стен мясокомбината. Внутрь нас, конечно, не пустили, но факт доставки на комбинат ПАРТИИ БРОДЯЧИХ СОБАК подтвердили. Говорят, детская жестокость не знает границ. Может, оно и так. Вспоминая себя тогдашнего, я не могу поверить, что все дальнейшее было, и я принимал в нем активное участие. Мы озверели от горя и поклялись отомстить. Через неделю в нашем дворе не было ни одной кошки. Мы их убивали всеми доступными способами, причем стараясь сделать это как можно мучительнее. Вешали напротив окон хозяек, обливали бензином и поджигали (живых!). Бросали в заполненный мутной водой котлован строящегося магазина и закидывали комьями земли и камнями, пока оглушенные и обессиленные животные не тонули.

Я боюсь вспоминать, что мы делали еще. Ни родители, ни милиция ничего не смогли изменить. Наш двор вымер. Ни собак, ни кошек. Рыдания хозяек не принесли нам облегчения. Наших слез никто не видал...

21.11.1998г

О кошках и собаках, 20 лет спустя

В детстве я ненавидел кошек. Я любил собак. И так продолжалось еще двадцать лет, до середины восьмидесятых. После памятной «ночи длинных ножей», длившейся неделю, когда в отместку за убийство наших собак мы с ребятами извели всех дворовых кошек, у меня больше не было четвероногого друга. Я окончил школу, потом институт, несколько раз менял адрес, женился, получил, наконец, отдельную квартиру. И тут жена и дети завели разговоры, что неплохо бы заиметь собаку. Но страшные воспоминания, которые я, казалось, похоронил в самых дальних уголках памяти, неожиданно проявились и не давали мне ответить согласием. Я сам не понимал, почему так упорно возражаю – ведь завести ДОМАШНЮЮ собаку было голубой мечтой моего детства. Я боролся с собой и с семьей, и чем дольше длилась эта борьба, тем для меня становилось яснее, что никогда не смогу согласиться. Я говорил, что нас и так четверо в двухкомнатной квартире, что я люблю маленьких пушистых («цирковых» – как мы называли их в детстве) собак, а жене нравились большие колли и голые складчатые шарпеи. Детям было все равно, как Малышу, абы какая, лишь бы собака. До сих пор у нас пожили морская свинка, хомячки, цыплята (съедены упомянутой свинкой, пока мы были на работе), голубь (загадил всю лоджию, пока заживало крыло), аквариумные рыбки (живут до сих пор).

Эта непрерывная «собачья атака» привела вдруг к тому, что я просто невзлюбил собак всех пород! Мечта детства стала чуть не ежедневно отравлять мне жизнь. Мало того, на улице на меня вдруг стали кидаться эти «друзья человека», причем как домашние, так и бродячие (сроду ни на кого даже не тявкающие – кто иначе их будет кормить?). Что делать? С троточками сейчас никто не ходит, а с палкой по городу ходить...

Короче, пришлось найти сохранившийся с «хиппового студенчества» солдатский ремень с позеленевшей пряжкой, утыканный почти полностью металлическими заклепками. Ну надо же что-то иметь под рукой! Жестоко, конечно, но ведь это не я на них бросаюсь ни с того, ни с сего! Ходить делать уколы потом никому не охота.

Короче, эта последняя «соломинка» окончательно перевесила чашу, и я категорически заявил дома, что больше не желаю слышать о собаках никогда, и уж тем более, если принесут щенка в дом, уйду я.

Месяц прошел более-менее спокойно. Окрестные собаки перестали обращать на меня внимание. И вдруг однажды вечером жена, вернувшись с работы, сразу закрылась с детьми в детской, послышалась какая-то подозрительная возня, потом жена с дочкой забегали мимо меня, привычно лежащего на диване перед телевизором. Из дальнего угла шкафа на свет появились старые пленки, зажурчала вода в ванне. Причем и жена и дочь, проходя мимо, старались на меня не глядеть, а на их лицах застыло одинаковое выражение упрямства и ужаса одновременно. Сердце у меня упало. Звук телевизора как-то заглох и удалился, зато все, что происходило за пределами моей комнаты неожиданно приблизилось. Сын в детской врубил погромче своего любимого Элвиса, и я оглох, то есть перестал слышать, что там происходит втайне от меня, за пределами моего дивана. Неужели свершилось? Они все же сделали это, наперекор мне!? Как же жить дальше? И вот, когда от ужаса приближающейся встречи с... Чем? Болью детства? Предметом ненависти настоящего? И того и другого сразу? Короче, когда разбухшее неожиданно сердце комком подступило к горлу, и шум крови в ушах заглушил Пресли, жена с дочкой вошли с виноватыми лицами в комнату и выпустили из пленки на палас передо мной мокрого взъерошенного...котенка!

Глядя на это тощее, жалобно пищущее существо, трясущее задними лапками, я испытал сложное чувство. Огромное облегчение (что это не щенок), привычное неприятие кошек, обиду на жену, растерянность (не выбрасывать же теперь малыша на улицу) и много иных чувств, которые вообще затрудняюсь определить.

Дочка со слезами на глазах сразу кинулась в атаку: она сама будет ухаживать, кормить, убирать и гулять. Жена упи-

рала на то, что против кошек я сроду не возражал (а чего возражать, если о них речи никогда не было?). Видимо, их общий напор, а также наступившая реакция после жуткого напряжения последних минут, сделали свое дело, и я махнул рукой, что, мол, хватит давить, я подчиняюсь обстоятельствам, сдаюсь и т.д. и т.п.

Так в нашей жизни появилась Ася. Имя предложил я, и так как жена с детьми сами не могли выбрать устраивающий всех вариант (а, может, чтобы задобрить меня, угрюмо слушавшего их спор), оно было опробовано на вкус, примерено и одобрено.

Первую неделю я боролся с котенком, как мог. Почему-то Ася упорно старалась устроиться рядом со мной, а еще лучше на мне (может, потому, что в отличии от постоянно перемещающихся домашних, я большую часть времени проводил лежа на диване с книжкой или смотря телевизор). Я отпихивал ее, орал дочке, чтобы забрала свое животное – оно мне мешает отдыхать после трудового дня. Та, конечно, сразу прибежала, забирала котенка в детскую, но через несколько минут все возвращалось на круги своя. Жене на кухне не до котенка, детям нужно делать уроки, один я вроде как не при деле! В конце концов я сдался, и Ася прочно обосновалась рядом со мной, а в дальнейшем буквально села (легла) мне на шею. Через месяц я часами просиживал неподвижно, стараясь не тревожить живой воротничок, тихо сопящий мне в ухо. Боль от остеохондроза шейного позвонка, не дававшая мне днем покоя, куда-то исчезла, смытая теплом кошачьего тела. Ночью Ася спала на моей подушке, нос в нос. Жена с дочкой начали проявлять признаки ревности. Мало того, постепенно кормление Аси и уборка за ней как-то плавно перешли в мои руки. А уж за веревочку с привязанным фантиком началась ежедневная борьба. Книги с телевизором отошли на второй план. Наблюдать за Асиними играми с фантиком, шариком, перышком, собственным хвостом или с воображаемым противником (когда выгнув спину она боком на кого-то, видимого только ей, нападала или, наоборот, от кого-то отступала) было гораздо интереснее.

И вот настал день, когда мы вынесли ее во двор. Смотреть без улыбки, как это трясущееся существо робко обнюхивает каждую травинку и спасается на руках дочки от неожиданно прыгнувшего кузнечика, было невозможно.

Следующим летом Ася стала признанной королевой двора. Среди рыжих, черных, серых, пушистых и гладкошерстных, она практически не имела конкурентов. Беспородная, пушистая (видимо, потомок сибирской), трехцветная с золотым пятном на лбу и абсолютно бесстрашная. Собак она принципиально не замечала. Хозяйки других кошек оборуются, зазывая их домой. Ася бегала за нами по двору, как собачка. Ее так и прозвали – «киска-собачка». Завидя кого-нибудь из нас, идущих с работы или магазина, Ася бежала, мяуча, навстречу, терлась о ноги, и не взять ее на руки было невозможно. «Поцеловавшись», она гордо оглядывала двор, но у подъезда вырывалась на землю и, задрвав распушившийся хвост, шествовала в дворовый скверик. Больших собак она просто била, если те попадались ей на пути, а малых не замечала.

Однажды бочку с молоком, которую привозили по утрам к нашему дому, почему-то стали возить в соседний двор. В первое же утро, когда Ася, как всегда, сопровождала мою жену в походе за молоком, на нее из очереди бросилась какая-то незнакомая болонка. И тут жена впервые увидела, почему нашу маленькую (по кошачьим меркам) ласковую киску обходят стороной дворовые собаки. «Страшнее кошки зверя нет». Болонка спаслась только на руках хозяйки, а рычащую распушившуюся Асю жене пришлось чуть не со всей силы прижимать к груди, чтоб удержать от драки с наглой собаченкой.

Уступала Ася только одному существу: черной соседской кошке Мусе. Видимо, Ася признавала лестничную площадку законной территорией Муси, и та гоняла ее на площадке при любой возможности. Но во дворе все менялось. Когда Муся умерла при неудачных родах, Ася стала безраздельной хозяйкой везде, в том числе и в моем сердце.

24 ноября 1998 г.

Реквием

Рыжий кот Кузя с девятого этажа обожал нашу Асю. Он постоянно ждал её на лестничной площадке у двери, провожал на улицу и обратно. Ася благосклонно принимала его любовь, но сама была согласна только на дружбу. Когда в ней просыпался «зов природы», она исчезала на несколько суток. Где и с кем Ася «гуляла», мы не знаем по сей день. Возвращалась она страшно голодная, грязная и вонючая, но довольная и умиротворённая и даже не особо сопротивлялась немедленному купанию, хотя в «обычных условиях» ненавидела данную процедуру. Кузя ей всё прощал. Он был счастлив, что Ася вновь рядом, и он может по-прежнему встречать её у дверей нашей квартиры по утрам и сопровождать во время прогулок по двору.

Родившихся котят мы раздавали друзьям и знакомым. Среди детей нашего двора на Асиных котят даже существовала очередь! Многим хотелось иметь такую же красивую и умную кошку. Так у нас появилась Симона. Она была очень похожа на маму, когда родилась. Но чуть подросла, и мы увидели, что котёнок-то растёт гладкошёрстный, а «заказчик» хотел пушистого! Симона осталась у нас, и мы никогда об этом не пожалели. Она оказалась очень умной и ласковой кошкой. Мурлыкала Симона, в отличие от Аси, почти беззвучно. Она просто вибрировала, как работающий на холостом ходу мотор. И никогда не выпускала когти! Даже ласкаясь и перебирая, как все кошки, лапками от удовольствия. Симона была очень подвижна, лапки у неё были, как живые пружинки. И котят она рожала столь же красивых, как и она с Асей.

Однажды Симона не вернулась домой. Её сбила машина. Так в наших душах появилась первая печальная зарубка.

Чтобы хоть немного пригасить горе, мы оставили себе очередную Асину дочку, такую же пушистую и трёхцветную, как мама и погибшая Симона. Так появилась у нас Соня. Она родилась сразу после Старого Нового Года, в час ночи 15 января 1991 года. Соня полностью оправдала своё имя. Она оказалась малоподвижной и флегматичной. Очень долго не вставала на ножки, а когда начала ползать, задние лапки не помогали ей в этом, а тянулись сзади, как хвост. Только через несколько дней ползанья таким манером Сонечка смогла твёрдо встать на все

четыре лапы и начала ходить. Она много спала и почти не подавала голоса. Единственное, что могло её расшевелить, игра с верёвочкой. К концу верёвочки даже не обязательно было привязывать «мышку». Соня очень любила, когда с ней играли в эту игру. Она, конечно, не приносила нам, как это делают собаки, свою любимую игрушку в зубах. Соня просто садилась перед кем –нибудь из нас и смотрела таким выразительным взглядом, что понять её желание было не трудно. Если мы были заняты или делали вид, что не замечаем её, она чуть слышно жалобно мяукала и трогала нас лапкой, слегка выпуская когти. Затем её мяв становился чуть громче, а когти выпускались чуть больше. В конце концов, мы сдавались и брали в руки верёвочку.

Помня участь Симоны, мы не стали приучать Сонечку к улице. Она выросла исключительно домашней кошкой. Сама Соня никогда не рвалась за порог. Но стоило ей подрасти, как природа стала требовать своё. В эти периоды нежный голосок Сони превращался в столь отвратительный и громкий мяв, что мы не выдержали и стали выпускать её по ночам на лестничную клетку, где почему-то именно в эти периоды появлялись целые стаи окрестных котов. И тут уже Кузя решительно отнёс всех конкурентов. Асину дочь он полюбил с не меньшей силой и немедленно взял под свою опеку. Надо сказать, что в данном случае любовь была взаимной. У Сонечки рождались в основном рыжие котята. Одного из них мы назвали в честь его папы Кузей, и люди, взявшие котёнка, не стали менять ему имя. А мы с тех пор могли любому желающему показать Кузькину мать!

Когда Сонечка родила в последний раз, у нашего подъезда появилась старая белая кошка. Она была явно домашняя, плохо видела, глухая на одно ухо и слабо слышала другим. Видимо, хозяева выгнали её из дома или бросили при переезде на другую квартиру. А, может, умерла какая-нибудь одинокая старушка, и кошка оказалась никому не нужна. Было лето, и несчастное животное не погибло сразу. Мы стали подкармливать её, а когда начались дожди, положили в подъезде у нашей двери для неё старый мешок из-под картошки. Вскоре мы заметили, что Белочка беременна и однажды пригласили её к нам. Бедняжка стояла в дверях и никак не могла поверить, что мы действительно предлагаем ей войти в нашу квартиру. Пришлось перенести Белку через порог на руках. Она робко начала

обследовать свой новый дом, и тут на неё неожиданно набросилась всегда тихая и флегматичная Соня! Наша тихоня громко шипела и била прищелицу лапой. До самых Белочкиных родов нам пришлось защищать бедняжку от нападений неузнаваемой Сони.

Когда Белка родила, отношения между недругами тут же изменились. Котята стали общими, и мы часто наблюдали, как Белочка тащит в своё «гнездо» огромного, по сравнению с её собственными, Сониного котёнка, или как Соня переносит в своё Белкин выводок, пока той нет. В конце концов, оба «гнезда» слились в одно общее лежбище подружившихся матерей, не разбирающих, где чей ребёнок. Белочка вошла в нашу семью и в дальнейшем стала нянькой и кормилицей и Асиных котят.

К сожалению, вскоре на наших душах появилась ещё одна скорбная зарубка. Пьяные хозяева Кузи – старшего выбросили бедное животное из окна девятого этажа. Ася лишилась верного друга, а Соня – любящего и любимого «мужа». Мы пытались свести Сою с другими котами, но безуспешно. Она отвергала всех. Пришлось отнести её к ветеринару. Операцию Соня перенесла тяжело. Она сильно похудела, и у неё вылезла почти вся шерсть. Когда мы везли Сою снимать швы, трамвайные попутчики не верили в её «сибирские» гены. Она выглядела как гладкошёрстная. Прошло время, раны затянулись, и Сонечка вновь стала напоминать пушистый шарик с беличьим хвостом.

Целый год мы прожили в окружении трёх кошек и их котят. Что удивительно – с приходом Белочки резко изменился характер Аси в период её беременности. Обычно Ася вполне спокойно относилась к присутствию в квартире Сони, Белки и их котят, благо те никогда не подвергали сомнению её главенство во всём. Но стоило Асе забеременеть, как она практически переселялась независимо от погоды до самых родов на улицу. Ася приходила домой только чтобы поесть. Она не выносила вида «посторонних» кошек в нашей квартире, рычала и шипела на них и, утолив голод, немедленно просилась за порог. Рожать Ася приходила домой. Перед самыми родами её враждебность исчезала, а уже через неделю после родов, сбавив котят заботливой Белочке, Ася спокойно уходила гулять во дворе.

Но вот год прошёл, вновь наступило лето, и в наш город приехал цирк зверей. Белочка была беременна и дохаживала

последние дни. Родить она не успела. Однажды днём её и Асю неожиданно схватили проходившие мимо алкаши и убежали. Оказалось, что в приехавшем цирке дешевле кормить зверей купленными у алкашей «бродячими» кошками и собаками, чем магазинным мясом. Дворы города стали пустеть. Вскоре цирк уехал, а на наших сердцах появились ещё две скорбные зарубки.

Неожиданно оставшись одна, Сонечка не могла найти себе места. И тут нам подбросили двухмесячного котёнка. Трёхцветная гладкошёрстная кошечка была очень похожа на нашу Симону, и мы решили дать ей это имя в память о прежней любимице. Хочется верить, что она является потомком одной из наших кошек: Аси, Сони или первой Симоны. Новая Симона вполне оправдала наши надежды и данное ей имя. Она оказалась очень умной, ласковой и столь же подвижной, как её предшественница. Сонечка сразу и безоговорочно приняла её. Решив оставить подкинутого котёнка у себя, мы боялись, что придётся выдержать борьбу с привыкшей к свободе и улице кошечкой. Но Симона никогда не делала никаких попыток выйти за порог. Видимо, нескольких дней, проведённых на улице, ей вполне хватило для выработки собственного мнения на сей счёт. Мы радовались, что ни её, ни Соню не может постигнуть злая участь Аси и Белочки.

Наступило очередное лето, потом осень, и нам подкинули ещё одного котёнка: полупушистую трёхцветную кошечку, очень похожую на Асю. Так мы её и назвали. Соня с Симоной немедленно взяли над ней шефство. Симона практически отдала новой Асе всю свою нерастраченную материнскую любовь. Несмотря на то, что еды у наших кошек всегда было «от пуза», Симона продолжала оставаться тощей. Просто скелет, обтянутый тонкой шкуркой, весом около двух килограммов. Поэтому Ася вскоре стала переходить спать от худосочной мамы – Симоны под пушистый и тёплый бочок мамы – Сони. Так мы и зажили: Симона играла с Асей в прятки-догонялки, учила её жизни и воспитывала, а Соня спала с новой дочкой в обнимку.

Уличной свободы Асе, как и Симоне, видимо, хватило вполне, и она ни за что не соглашается покидать квартиру. Открытая дверь вгоняет её в панику, а гости заставляют прятаться в

укромных и недоступных местах. Поэтому когда она подросла и стала превосходить Симону по весу и объёму, нам пришлось вынести её из «крепости», чтобы сделать операцию. Соня и Симона ухаживали за дочкой как могли. Симона до сих пор не подходит к еде, пока Ася не наестся и не отойдёт от кормушки.

Прошло ещё несколько лет, счастливых для наших пушистых членов семьи. Мы в очередной раз готовились к празднованию Нового Года и последующей за ним двенадцатой годовщины Сонечки. Заранее была закуплена порция её любимой красной рыбы. И вдруг за неделю до Нового Года мы заметили, что именинница очень тяжело дышит через приоткрытый рот. Вызвали на дом ветеринара.

– У вашей кошки асцит. Будете лечить? – Спросила врач, доставая шприц, и по её тону мы поняли, что для неё этот вопрос риторический.

– Будем, – твёрдо ответили мы.

Врач удивилась и заменила шприц.

На уколах, таблетках и диете Сонечка дожила до 22 января. Её двенадцатый день рождения прошёл безрадостно. Свою любимую красную рыбу она конечно даже не увидела. В своё последнее утро, около шести часов, Сонечка проснулась и успела пройти около двух метров, когда смерть сразила её. Она даже не успела закрыть свои прекрасные жёлто-зелёные глаза. Ася и Симона ищут и зовут её днём и ночью. Через одну-две недели они успокоятся. Так уж устроила кошек природа. Зарубка на наших, человеческих сердцах будет кровоточить ещё долго...

22 –25 января 2003 г.

ГЛАВА III. ФАНФИКИ

Восточный Янус

– Какие тут могут быть секреты? Речь идет о моих родителях!

– Что за крик?

Господин Кмур почтительно привстал. Джу обернулся. На пороге архива Третьей префектуры, заложив кисти маленьких рук с позолоченными ногтями за широкий пояс, стоял Господин Иль.

– Господин Джуджелар, не имея соответствующего допуска, требует выдать ему для ознакомления «Дело о предположительном отравлении старшего государственного советника по торговым делам кира Агиллера из Агиллеи», – согнулся в поклоне чиновник.

– Оставьте нас, господин Кмур.

Господин Иль плавным кошачьим шагом переплыл к Джу и положил свои холеные руки ему на плечи.

– Здравствуй, Джу, ты не рад мне?

Раздраженно высвободившись, Джу сверху вниз глянул на сыщика. Да, Иль был его кумиром, учителем, благодетелем. Он опекал Джу всю его недолгую жизнь, до того самого рокового дня, когда на приеме во дворце кира Ариксара Волка Тайный советник Дин бросил в лицо Джу фразу, о причастности к смерти родителей молодого племянника Волка императора Аджаннара.

– Пока я не узнаю правду о смерти моих отца с матерью, я не буду рад встрече ни с кем. Ты что, теперь следишь за мной?

– Ну-ну, Джу, не такая уж ты большая птица, чтобы я тратил время на слежку за тобой. Просто скоро через твой таможенный пост пройдет в столицу одно важное посольство. Государь Аджаннар прислал меня проинструктировать тебя, как главно-го на посту, как организовать встречу и досмотр.

– Я достаточно хорошо знаю свои обязанности, господин Иль, и не нуждаюсь в наставлениях, тем более императорских!

– Молчать, щенок! Ты что себе вообразил? Думаешь, тебе и дальше все будет сходить с рук? Твои детские шалости и выходки в Каменных Пристанях – это одно, но разевать рот против Императора...

– Который причастен к смерти моих родителей!

Острое лезвие кинжала, молниеносно приставленное госпо-

дином Илем к горлу Джу, вспороло кожу. Капли крови закапали на воротник. Джу застыл в ужасе под немигающим взглядом потемневших и оттого ставших почти одного цвета глаз Иля.

– Кто вбил тебе в голову подобную мысль? Отвечай, мерзавец! – Джу трясся от ужаса, и эта дрожь и постоянное слатывание слюны, непрерывно заполняющей рот, погружали лезвие кинжала господина Иля все глубже. Капли крови слились в ручеек.

Внезапно господин Иль швырнул Джу в кресло и отошел к окну. Зажав кровоточащую шею пальцами рук, Джу смотрел, как по широкой спине сыщика пробегают волны нервной дрожи.

– Я догадываюсь, кто вбил в твою глупую башку подобную мысль. Ты взбесился сразу после посещения имения твоего дяди – кира Ариксара Волка. Вот уж не думал, что ты так легко заглотишь крючок.

– Кир Ариксар Волк мне ничего не говорил, – прохрипел, наконец, Джу.

– Кто же тогда?

– Неважно. Я и сам вижу, что мне не соврали, иначе почему «Дело» о смерти моих родителей столь засекречено, что даже я не имею права его прочесть?

Господин Иль повернулся и подошел к Джу, достал из кармана платок, от которого пахло неведомым Джу ароматом, и ловко наложил на рану повязку.

– Я вел следствие по этому делу, малыш. Ты мне скажешь, кто внушил тебе мысли о вине Императора, а я расскажу тебе все, что знаю об этом деле. Согласен?

Джу задумался. Что он теряет? Сейчас он только изводит себя домыслами, а то будет иметь хоть какую-то базу для установления истины. Правда, придется выдать господина тайного советника Дина. А почему, собственно, выдать? Господин Дин не брал с Джу никаких обязательств сохранить тайну, да и никто его за язык не тянул. Наоборот, теперь Джу просто уверен, что господин Дин совсем не случайно подошел тогда к нему на приеме, а специально вроде как мимоходом бросил ту, перевернувшую жизнь Джу, фразу. Да и сыщик теперь вряд ли просто так все забудет. Джу жив до сих пор только потому, что господину Илю нужно узнать имя тайного врага Императора Аджаннара.

– Я согласен, – решился Джу. – Но у меня два условия.
– Не испытывай судьбу, малыш.
– Они ничего вам не будут стоить. Первое: я скажу вам имя после того, как прочту «Дело» моих родителей. Второе: если я найду убийцу, ты сможешь мне отомстить.

– А ты поумнел с тех пор, как вышел из стен Каменных Пристаней. Молодец! Вижу, я в тебе не ошибся и не зря натаскивал. Хорошо, твои условия приняты, и раз уж они скрыто включают в себя третье: я начну рассказ первым.

Господин Иль непринужденно вскочил на стол господина Кмура, смахнул бумаги на пол и сел, скрестив ноги, прямо перед Джу.

– Так вот, сразу раскрою тебе причастность Императора Аджаннара, кстати в то время он был всего лишь кир Александр Джел, молодой владелец Ишуллана, к смерти твоих родителей. Он действительно причастен. Спокойно, не дергайся, причастен, но не как убийца, а как жертва. Твои родители праздновали годовщину твоего рождения, будущий Император Аджаннар был почетным гостем. На стол подали отравленные пирожные. Твоих родителей спасти не удалось. Император долго болел, чуть не лишился глаза, лечился у колдунов, и те спасли ему жизнь. Были опрошены все слуги в доме. Сын пирожника, принеший лакомство, без всяких последствий для своего здоровья. Так как все пирожные оказались отравлены, с него сняли подозрения, и было решено, что яд был введен в лакомство уже в доме твоих родителей. Но установить, кто это сделал и почему, не удалось. Поэтому дело закрыли и объявили, что твоего отца в порыве ревности отравила любовница Миран, твоя мать, дочь часовщика Гермерида. Она потом повесилась.

Так что, Джу, засекречена не смерть твоих родителей, а попытка покушения на будущего Императора Аджаннара. А теперь позови господина Кмура, я прикажу ему принести «Дело» твоих родителей. Ты его прочтешь здесь, сейчас и вернешь. Никаких выписок и копий. Когда закончишь, назовешь мне имя.

Когда господин Иль растворился в парке «Семи холмов», Джу ступил на выложенную розовой мраморной плиткой дорожку, ведущую ко дворцу. Он поправил странную булавку, которую господин Иль воткнул ему в воротник мундира.

Ярость, бушевавшая в душе Джу, перемежалась некоей неясной смесью злорадства, удивления и гордости от сознания того, что он неожиданно утер нос самому господину Илью. Джу невольно улыбнулся, вспомнив удивление на лице своего учителя, когда на язвительный вопрос сыщика, убедился ли Джу в правдивости его рассказа, прочитав «Дело», неожиданно услышал в ответ:

– Неужели проницательный господин Иль не увидел имя убийцы, столь недвусмысленно указанное в протоколах допросов?

Как и говорил всезнающий сыщик, кир Ариксар Волк был не один. Напротив него за столом, заставленном всевозможными напитками и яствами, восседал, поблескивая масляными глазками, господин тайный советник Дин.

Джу исполнил традиционное приветствие старшего младшим. Поцеловав Волку рукав, он фактически признал свой возврат в клан, т.е. открыто указал, на чьей он теперь стороне. Окончательно и бесповоротно.

– Я рад, Джуджели, что ты, наконец, сделал правильный выбор, – пророкотал Волк.

Дин встал со своего места, взял сосуд и стал разливать ифское, пахнущее яблоками вино в прозрачные кубки.

– Выпьем за то, что семя, брошенное мной, упало на благодатную почву.

– Что ж, давайте выпьем, – достал приготовленную бутылку Джу. – Я привез вино из запасов хозяйки моей квартиры. Последний урожай. Оно конечно недостаточно изыскано, чтобы конкурировать с Вашим, дядя, но, надеюсь, господин тайный советник Дин не побрезгует разделить эту бутылку со мной?

– Конечно, господин Джуджели, тем более, что Вы у меня в долгу: видели бы Вы, как ваш дядя ругал меня тогда за нашу с Вами беседу. Действительно, после ифского, Ваше вино несколько горчит.

– Разве? – Джу разлил остатки вина по кубкам. – Попробуйте еще раз, господин Дин. Мои солдаты его обожают. Господин Дин допил вино и поморщился.

– Неужели так горчит, – удивился Джу, вертя пустой кубок в руке. – А вот интересно, пирожные, которыми Вы отравили моих родителей, тоже горчили?

– О чем ты говоришь, Джу? – нахмурился Волк.

– Да вот, дядя, никак не решу загадку: Вы уже тогда сговорились с господином Дином, когда он желая убить ненавистного Вам Императора Аджаннара отравил моих родителей? Он действовал по Вашему приказу?

– Наглый щенок! Как ты смеешь обвинять меня, главу клана, в убийстве собственного брата?!

Волк резко откинул седую голову, его сухие пальцы, сжавшие подлокотники кресла, побелели от напряжения.

– Ну как же, дядя, ведь это Ваш друг, господин тайный советник Дин, был тем самым сыном пирожника, отравившем моих родителей.

– Вы сошли с ума, юноша, или Ваше кислое вино ударило Вам в голову. Да, это я принес те пирожные в дом Ваших родителей, и я сам ел их на глазах слуг и повара. Следствие меня оправдало. Никто, даже сам Император Аджаннар не сомневался в моей невиновности, иначе бы я не достиг сегодняшнего звания.

– Конечно, никто не сомневался, даже тогда, когда Вы, господин Дин, женились на моей мачехе, кирэс Яане, и вышвырнули меня, ребенка, на улицу. А Вы, дядя, позволили это! И даже ни разу потом не поинтересовались моей судьбой. Или женитьба господина Дина на моей мачехе было наградой палачу?

– Щенок, я прикажу выпороть тебя и навсегда вычеркнуть твое имя из списков клана Волка. Разве ты не слышал объяснений Дина? Он сам ел эти пирожные.

– Конечно, ел и не отравился. Только в «Деле» о смерти моих родителей есть один протокол, в котором описано, как сын пирожника Дин за несколько месяцев до убийства стал странно себя вести: изменил ритм жизни и стал спать не по ночам, а днем. А нам, дядя, в Каменных Пристанях рассказывали, что организм людей обладает неодинаковой устойчивостью к смертельным дозам различных веществ в зависимости от времени их введения в течение суток. И что в один период времени они смертельны, а в другой, даже в большей дозировке, остаются безвредными, а наивысшая сопротивляемость организма к ядам – поздним утром!

– Ты никогда ничего не докажешь! – прошипел господин Дин.
– Кир Ариксар Волк и я не выпустим тебя из этой комнаты.

– А мне и не надо куда идти. Твоя вина, Дин, будет до-

казана самим фактом твоей смерти. Вино, что мы пили из моей бутылки, отравлено! Да, да, Дин, потому оно и горчит.

– Но ведь ты тоже его пил!

– А я последовал твоему примеру: сплю днем. А вот ты, господин тайный советник, уже давно вернулся к нормальному образу жизни, и твой организм сейчас готовится ко сну, а потому не будет долго сопротивляться.

Господин Дин вскочил, опрокинув кресло. Внезапно лицо его посинело, он схватился за горло, захрипел и упал.

– Ты посмел принести отраву в мой дом? Ты, волчонок, хотел отравить меня, Ариксара Волка?

– Нет, дядя, в вине не было яда. Господин Дин умер от страха – видимо сердце не выдержало. Я просто хотел узнать правду. Кто убил, я теперь знаю. А вот кто послал убийцу?

– Ты обманул меня! Обманом проник в мой дом, убил моего лучшего агента, теперь побежишь с доносом к этому разноглазому ходжерцу, Императору Аджаннару?

– Я правильно Вас понял, дядя, это Вы послали убийцу моих родителей?

– Какие родители? Эта девка, твоя мать, была просто грязной рабыней. Мой брат предал меня и весь клан, когда связался с ней и ходжерцем. Ты хоть раз взглянул внимательно на портрет моего брата? Он висит прямо за твоей спиной. Посмотри на портрет и на себя в зеркале рядом. Разве вы похожи? Разве ты вообще похож на тарга? Ублюдок, ходжерское отродье, я сам убью тебя, своими руками...

Зазвенели осыпающиеся осколки окна, в которое влетел развернувшийся в полете кубок. Просвистели метательные ножи.

– Кир Александр Джел, ты все же убил меня... – кровь потоком хлынула изо рта Волка, и он осел на труп Дина.

– Кир Александр Джел, Император Аджаннар, – пробормотал ошеломленный Джу, глядя в глаза стоящего посреди комнаты в боевой стойке человека. Калейдоскоп фраз прорвал, наконец, плену. Истина встала перед Джу во всей своей невероятной сути.

– Отец, – прошептал Джу и рухнул к ногам господина Иля.

И течёт твоя душа в мою...

«Именно плоть всегда губит душу.»
В.Гюго «Собор Парижской Богоматери»

«Ну что ж, Лев Абалкин, теперь я о тебе кое-что знаю.»
А. и Б.Стругацкие «Жук в муравейнике»

– Привет, Младший! Всё играешь в колыбельке? А я за тобой, пора.

– Привет, Старший. Играю, конечно, почему бы и нет? А ты приглядишься повнимательнее, с кем.

– Это еще что за новости? Неужто, Младенец? Откуда? А грязи-то сколько!

– Вот из этой оставшейся после нас с тобой грязи! Подчищать за собой надо!

– Кто ж его личинки-носители?

– Да вот они, гляди. Взаимодействие наших неожиданно породило новый вид, довольно любопытный, надо сказать, и очень быстро развивающийся. Младенец растет с невероятной скоростью. Я еще не все связи порвал, а он того и гляди меня догонит.

– Ну-ка, ну-ка, покажи...

– Назови своё имя, демон!

– Зачем? Ты не знаешь, кого вызвал?

– Я приказываю тебе назвать своё истинное имя!

– А то что? Отправишь меня в ад? Кстати, ты сам-то кто?

– Не выходи из пентаграммы!

– Почему, собственно? Ты, если хочешь, можешь торчать в своем дурацком пентакле, а мне удобнее беседовать сидя в кресле. Ну и обстановочка у тебя, герметик! Ну к чему тебе все эти скелеты животных, подвешенные к потолку? В твоей тёмной келье и так достаточно мрачно. А человечьи и лошадиные черепа, лежащие на этой груде манускриптов? Для чего они тебе? И неужели вся эта грязь, пыль и паутина столь необходимы для магии? А навонял-то!

– Это от тебя несёт серой, адское отродье! Я, архидьякон Собора Парижской Богоматери Клод Фролло, приказываю тебе, демон, немедленно вернуться в пентаграмму и назвать своё истинное имя.

– Ну, давай, посмотрим, что там за имя написано в моей печати? Ахамиэль. А у тебя губа не дура! И что тебе надо от демона Ахамиэля?

– Сначала я хочу убедиться, что Ахамиэль – это ты.

– А то кто же? Кого звал – того и получил. Чёрт побери, почему вы, герметики, наделяете демонов столь гнусной внешностью и запахом? Думаешь, удобно сидеть в кресле на хвосте? А рога? В следующий раз надели меня более приличным телом.

– В следующий раз? Другим телом? О чём ты?

– Не строй из себя идиота, архидьякон. У тебя хватило ума вытащить меня сюда. Неужто до сих пор не понял?

– Не смей меня оскорблять, демон! Я уже в шестнадцать лет мог померяться в теологии мистической с любым отцом церкви, в теологии канонической – с любым из членов Собора Парижской Богоматери, а в теологии схоластической – с доктором Сорбонны. Закончив с богословием, я изучил церковные положения, затем – медицину и свободные искусства. Я знаю латынь, греческий и древнееврейский. Я закончил все эти четыре факультета в восемнадцать лет! Наука всегда была целью моей жизни. Но она не смогла дать ответ на все мои вопросы, и я изучил герметические книги.

Я вызвал тебя, чтобы получить ответы. Ты обязан мне подчиняться, раз явился на мой зов! Что я сделал не так? Или ты – не Ахамиэль? Почему у меня нет власти над тобой?

– Успокойся, Фролло, всё ты сделал правильно. Вот тебе первый ответ: в мире существует только один демон – Я. Вот имен вы, люди, надавали мне много, всех и не упомяну. Поэтому, кого бы ты не вызывал, приду я. И выглядеть буду так, как ты меня воображаешь. И никакой власти надо мной у тебя нет, да и откуда ей взяться? Все ваши ритуалы и заклинания – просто средство, доставляющее ваш зов мне, не более. Представь, сколько людей желают встречи со мной. Человек, успешно выдержавший ритуал вызова, должен иметь определенный запас знаний и важную цель. Сколько суток ты твердил заклинания, семь? Не каждый выдержит подобное. Вот тебе и ещё одна

функция ритуалов: отбор наиболее грамотных, любознательных и упорных, своего рода научной элиты. Так что у тебя за проблема?

– Теперь уж и не знаю, что сказать, Ахамиэль. Буду звать тебя этим именем, раз истинное мне не доступно. Я думал просто приказать тебе выполнить моё желание, но раз ты, как оказалось, мне не подвластен, возникло некое затруднение.

– Ты имеешь ввиду плату за услугу, Фролло?

– Да, демон. Я знаю, что нужно твоему господину.

– У меня нет господина, архидьякон. Дьявол, Сатана – это всё мои имена. Я же тебе уже говорил: нет ни ангелов, ни демонов. Я один. И тебе нечего мне предложить – твоя душа и так моя.

– Я не верю тебе, Ахамиэль. Да, я согрешил, занявшись магией. Но есть, ведь, и раскаяние. Господь милостив.

– Господь?! Ха-ха-ха! Какой господь? Ты не слушаешь меня, человек. **НЕТ НИКОГО, КРОМЕ МЕНЯ.** Тебя, ведь, и это интересовало, архидьякон?

– Не может быть! Есть свет и тьма, добро и зло, есть ты – значит, должен быть и ОН. А душа? А рай и ад? Их тоже нет?

– Хитер, архидьякон! Хочешь получить ответы бесплатно. Знаешь, сколько умников пыталось поймать меня на подобный приём? Ну, да ладно, я отвечу. Оставь свою душонку себе: она пока мне без надобности. Почему? Поймёшь сам, позднее. Так вот, архидьякон, есть рай и ад, есть душа, есть я, а ЕГО, в вашем понимании, нет. Молись – не молись, кайся – не кайся, не бывать твоей душе в раю. Она уже в аду. Была и есть, ибо ад находится здесь, на земле. После смерти человека его душа, не прошедшая через Чистилище в рай, возвращается назад, возрождается в каком-нибудь младенце, лишённая памяти о прошлом, и начинает всё с нуля.

– Не сходится, Ахамиэль. Если молитвы и покаяние ничего не значат, если ЕГО нет, то кто же попадает в рай? Кто решает в Чистилище и по каким критериям ведёт отбор?

– Ты не задал главный вопрос, Фролло. Потому вряд ли тебе помогут мои ответы. Потому У ТЕБЯ и не сходится. Ты прав: есть свет и тьма, знание и невежество, разум и дикость. Есть добро и зло, хотя эти понятия не всегда совпадают с тем, что вы, люди, в них вкладываете. Главная тайна бытия, Фролл-

ло, это то, что человек обладает лишь частичкой души. Именно в этом и состоит суть любви: частички души, рассеянные по разным людям желают воссоединиться. Человек всю жизнь ищет свою «половинку». Когда такие «половинки» встречаются, возникает то, что вы называете любовью с первого взгляда. Отсюда и необъяснимая тяга одного человека к другому. И антипатия, кстати, тоже. Когда двое соединяются, соединяются и их души, свет и тьма которых начинают взаимодействовать, как жидкости в соединяющихся сосудах. Они могут смешаться, свет одной может заглушить тьму другой, и наоборот. А могут и не вступить во взаимодействие – удел браков без любви, по расчёту или необходимости. После смерти тела – носителя душа попадает в Чистилище. Если светлая её часть превышает определённый предел, душа попадает в рай. Если нет – возвращается на землю. Редкому одиночке удаётся в достаточной мере развить у себя светлую часть и подавить тёмную. В паре легче, хоть и появляются свои трудности. Любовь – вот средство! Ты, архидьякон, лишил себя этого средства. Я вижу черноту твоей души. Рая тебе не видать!

– Врёшь, демон, я знаю, что такое любовь. Летом 1466 года чума унесла моих родителей. У меня, осиротевшего в 19 лет, на руках остался брат – в ту пору грудной ребёнок. Я заменил ему отца и мать и очень полюбил. Сейчас Жеану уже шестнадцать лет, и все эти годы не было дня, когда бы я забыл о нём. Я знаю, что такое любовь!

– Нет, Фролло, ты о кровной, семейной привязанности. Как знать, чья частичка души горит в твоём брате? Ваши родители, конечно, передали вам небольшие частички своих душ, но эти частички сравнительно невелики. Братская любовь не бесплодна, конечно, но...не то! Твоя душа, Фролло, должна найти свою половинку.

– Как же быть, Ахамизель? Ты можешь мне помочь? Боже, я глупею на глазах: зачем бы ты иначе стал тратить время на беседу со мной? Но зачем тебе это? Что тебе от меня нужно?

– Ты, архидьякон, далеко не первый и вряд ли последний, кому я открываю глаза на суть бытия. Однако пока не было случая, чтобы моя помощь изменила судьбу человека. Но мне интересно наблюдать сам процесс. Как вы барахтаетесь в погоне за призом. Я выполняю твоё желание, архидьякон. Ты полюбишь. Более того, ты встретишь свою половинку.

– Смотри, что ты сделал со мной, дьявольское отродье! – Архидьякон Собора Парижской Богоматери Клод Фролло в ярости швырнул в появившуюся в пентаграмме фигуру кинжал.

Демон небрежно отмахнулся хвостом, и клинок со звоном отлетел под заросший пылью и паутиной очаг.

– На нём кровь! Я убил этого мерзавца, этого наглого, похотливого козла, у которого ума меньше, чем у козочки Эсмеральды! Ты обманул меня. Как я мог поверить Дьяволу? Ты окончательно погубил мою душу!

– Я? Нет уж, архидьякон, за свои поступки отвечай сам. – Демон спокойно смахнул с кресла несколько манускриптов и постарался устроиться в нём с максимальными удобствами. – Какого чёрта ты опять засунул меня в эту оболочку, Фролло? И о каком обмане ты вопишь?

– Ты обещал мне любовь.

– Разве ты не влюблён?

– В цыганку, пляшущую на площадях!

– Я не обещал тебе королеву Франции.

– Издеваешься? Ты говорил, что я встречу свою половинку, а Эсмеральда влюблена в этого негодяя, которого я убил, в капитана Феба де Шатопера!

– А разве я обещал тебе ВЗАИМНУЮ любовь, Фролло?

– Дьявол!

– Ну, хватит истерик! Возьми себя в руки. Я предупреждал тебя: моя помощь пока никому не пошла впрок. Вот и ты, хваставшийся прошлый раз своей учёностью, не дал себе труда осмыслить то, что я открыл тебе. Ты меня упрекаешь в том, что Эсмеральда любит не тебя, а капитана Феба де Шатопера. А когда она влюбилась в него? А откуда в ТЕБЕ возникла любовь? Почему капитан де Шатопер сначала предпочёл нищую цыганку красавицам-аристократкам, а потом, вдруг, стал в ней видеть только потаскушку? С чего ты взял, что душа разделена ровно пополам? Ты уже знаешь закон, что если где-то что-то прибыло, то столько же этого что-то где-то в ином месте убыло?

– Подожди, Ахамизель, у меня голова идёт кругом. Ты намекаешь, между мной и капитаном де Шатопером существовало родство душ?

– Разумеется! Как бы иначе я смог у ЖИВЫХ пока людей скорректировать содержимое сосудов? Ты получил кусок души капитана де Шатопера, что, естественно, резко ослабило у того тягу к Эсмеральде. Тебе нужно было немного подождать, пока цыганка поймёт, что предмет её влечения изменился. Убив капитана, ты всё разрушил. Слишком недолго часть его души была в тебе. Боюсь, в Чистилище душа капитана обретёт утраченную цельность, и ты лишишься украденной любви.

– Как же быть? Я виноват, признаю. Любовь и ревность лишили меня хладнокровия и разума. Но, ведь, в твоей власти всё исправить? Я знаю, вернее догадываюсь. Христос умер на кресте, и через три дня ожил. Если ЕГО нет, то это чудо твоих рук дело! Пусть этот проклятый капитан живёт, всё равно я больше не допущу его встречи с Эсмеральдой.

– Да, Иисус из Назарета был немного моложе тебя, когда вызвал меня. Он был умён не по годам. Ему не пришлось тратить годы на изучение тех языков и наук, что тебе, зато каббалу он изучил досконально. Он, в отличии от тебя, задал мне главный вопрос, но не понял мой ответ. Иисус потребовал, чтобы я наделил его способностью узнавать своих душевных партнёров и забирать у них светлые части души без необходимости телесного контакта – только по его желанию. Этот каббалист так жаждал попасть в рай, что стал просто душевным вампиром. Он только брал, ничего не давая взамен. Люди шли за ним, не желая расставаться с частичками своей души, толком не понимая, почему ради этого чужого им человека они бросили всё, чем он их привязал к себе. Родственников Иисус отринул сразу – в отличии от тебя он мгновенно понял расклад душ. То малое, что было в его братьях и сёстрах он взял в первый же день. И стал чужим для всех родных, кроме матери. Материнская любовь – это отдельная тема. Чем больше чужих частичек души собирал Иисус, тем сильнее и непреодолимее становился его душевный магнетизм и влияние на душевно им обездоленных людей. Когда Иисус решил, что нагребил достаточно, то решил избавиться от тела-носителя. Самоубийство перечеркнуло бы все его усилия – это было моё условие сделки. Ты знаешь, на какие ухищрения пришлось пойти Иисусу, чтобы умереть. Но он не выдержал мук распятия и одна из жертв его душевного вампиризма, римский солдат, выполняя желание

корчившегося на кресте, ткнул несчастному копьём в сердце. Я расценил это как нарушение договора. Да, Фролло, Иисус из Назарета воскрес. Он не попал в рай. Он даже не попал в Чистилище. Этот величайший в истории вампир чужих душ стал тем самым бессмертным жидом, Агасфером. Высосав из людей столько света, Иисус тем самым резко увеличил в мире количество тьмы. Поэтому, его вчерашние почитатели отрекались от него и столь яростно требовали у Пилата казни своего бывшего кумира. Отсюда и поношения и издевательства, которым подвергла Иисуса толпа по дороге на Голгофу. После казни и воскрешения вся эта лишняя тьма саккумулировалась в Агасфере. Теперь этот несчастный бредёт по земле, постепенно избавляясь от мрака. Там, где он останавливается надолго, возникают эпидемии и войны. Шестнадцать лет назад он посетил Париж.

– А что с ним будет потом, когда мрак его души истощится?

– Тогда он понесёт украденный свет, конечно! Поспешив в рай, Иисус из Назарета сам значительно удлинил своей душе путь. Я же говорил, моя помощь ещё никому не пошла впрок.

– Иисус спешил в рай. А что есть рай, Ахамиэль?

– Наконец-то ты задал этот вопрос, архидьякон. Рай – это соты, куда пчёлы-люди несут нектар своих душ. После Чистилища светлые частички ваших душ сливаются в одно целое, образуя мёд мирового разума. Ты видел муравейник, Фролло? Это остатки носителей первого Высшего Разума, уже покинувшего Землю и отправившегося в космос для встреч и слияний с иными Разумами. А муравейники остались бледными образчиками коллективного разума, их функции развития и совершенствования остановились, так как некому их восстребовать, так сказать, «свыше». Следующий Высший Разум, зародившийся на Земле, использовал уже иных маток-носителей. Они быстрее развивались и каждая особь обладала неизмеримо большим интеллектом по сравнению с насекомыми. Процесс познания мира и взросление Разума происходили быстрее, но была утрачена важная функция коллективизма. Когда второй Высший Разум достаточно сформировался и отделился от маток-носителей, те, в отличии от муравейников, не смогли выжить. И это дало возможность выйти на третий круг. Вам, людям, было бы затруднительно сосуществовать в одном

мире с огромными ящерами, драконы по сравнению с которыми просто мелкота. Однако в вас объединились достоинства предыдущих носителей: индивидуальный довольно высокий интеллект и коллективизм. Если предыдущие периоды роста Высшего Разума длились десятки-сотни миллионов лет, то у вас аналогичные результаты достигнуты за сотни тысяч. Но я вижу ты не слушаешь меня. Твоя голова занята иным. Твоя личная дорога в рай с каждой нашей встречей только удлиняется. Может, вернём всё к изначальному? Обещаю, ты забудешь о наших встречах. Вдруг следующая реинкарнация будет для тебя более удачной?

– Нет, Ахамиэль, я не привык отступать перед трудностями. Вот если б ты дал мне способности Христа...

– Исключено, Фролло. Это пройденный этап. И не раз. Он ведёт в тупик. Ты просишь любви для себя, ты её получишь.

– Вот всё, что я любил! – сквозь гул толпы донесли до распростёртого на камнях Гревской площади Клода Фролло полные горечи и муки слова Квазимодо. Переломанный в нескольких местах позвоночник избавил архидьякона от боли в разбитом теле, но и лишил возможности повернуть голову, чтобы в последний раз увидеть свою любовь, пусть даже обезображенную виселицей.

– Ахамиэль, ты опять обманул мои ожидания: я жаждал любви Эсмеральды, а ты дал мне любовь Квазимодо! Я отдал свою любовь на виселицу, Квазимодо сбросил меня с Собора. Будь проклят твой рай!..

– Ты считаешь подобные развлечения интересными, Младший? Ну, да это твоё дело. Что ж, приглядывай пока за Младенцем, его темпы развития действительно поражают. Однако слишком много грязи мы с тобой оставили в колыбельке. Божь, задушит она его. Или разрушит саму колыбель.

– Я думаю над этим, Старший. Вот пытаюсь внедрить чистильщиков. Они должны попытаться поглотить часть грязи и дать импульс к усилению в людях опоры на биологические резервы, а не технические устройства. Посмотрю, что из этого выйдет.

– Стояли звери около двери... – прошептал Абалкин, глядя на воняющий пороховой гарью пистолет в трясущейся руке Сикорски. Кровавая пена запузырилась на губах бывшего прогрессора, заглушив его последние слова – Ахамизель, я не смог...

апрель 1999 г.

“Холодной буквой трудно объяснить...”

...Арбузно пахло свежескошенной травой, а мы сидели в стогу и пили шампанское... Я лежу в тёмной грязной халупе, но аромат разрезанного арбуза на столе возвращает меня в прошлое.

Ах, Михайло Юрьич, я внимательно прочёл Ваши повести обо мне. Вы сделали из меня героя, этаким пример для подражания. И, возможно, сочтёте моё послание к Вам проявлением чёрной неблагодарности. Однако по воле Божьей я стою на пороге смерти. Дни мои сочтены, и поэтому я хочу исповедаться, но не равнодушному и чуждому мне священнику, кой же позже получит свою часть моих излияний, а Вам – человеку, изучившему мои дневники, знающему меня лучше кого-либо, попытавшемуся «отмыть чёрного кобеля добела» в глазах света. Я благодарен Вам за всё, что Вы сделали и продолжаете делать для восстановления моей репутации в свете. Я понимаю, что делаете это Вы вовсе не для меня, а исключительно из любви к моей сестре, Вареньке. И всё же, примите мою искреннюю благодарность.

Вы, конечно, не могли не заметить, что дневники мои, волей случая попавшие к Вам, весьма не полны? Возможно, Вас терзали мысли, что же было на вырванных страницах? Рассказы Вареньки, людей, знавших меня, а главное – Ваша необыкновенная фантазия заполнили пробелы, но я должен теперь открыть всю правду обо мне.

Как Вы знаете, мне было девятнадцать лет, когда я впервые влюбился в девушку, которую знал с самого детства – в Верочку Ростову. Сей факт довольно подробно описан в моём юношеском дневнике. Мы тогда жили в Москве. Наше сближение и тайные встречи мною подробно описаны, я не буду повторяться. Расскажу Вам лишь то, что не посмел доверить дневнику.

В те сладостно-безумные дни я жил только любовью к Верочке. Забросил Университет, забыл не только про занятия, но и даже про экзамен и, как следствие, остался без аттестата. Но меня сей факт несколько не озаботил, а на все вопросы матушки я отговаривался, что экзамен перенесён на несколько недель. Что мне было до Университета, когда мы с Вероч-

кой уже начали постигать науку объятий и поцелуев! Однако обман вскоре вскрылся. Собравшийся консилиум дядюшек и тётушек завершился решением отправить меня в Петербург, в Юнкерскую школу. Там, говорили дядюшки, меня приучат к дисциплине.

Уехать в Петербург, расстаться с Верочкой— это было выше моих сил. Почти на коленях я вымолил у матушки позволение вступить в Н... гусарский полк, стоявший под Москвой. Мы продолжали встречаться, обмениваясь признаниями и поцелуями.

И вдруг открылась Польская кампания! Наш полк должен был принять в ней самое активное участие. И вот, однажды, я приехал проститься. Верочка была очень бледна. Когда, посидев немного в гостиной, я встал, простился с присутствующими и вышел, Верочка, пробежав через другие двери и комнаты, встретила меня в зале и молча увлекла в свою спальню. Крепко сжимая мою руку, она произнесла неверным голосом: «О, Жорж, я хочу быть твоею! Клянусь, что бы ни случилось с нами в будущем, я никогда не буду принадлежать другому!».

Бедная, она дрожала всем телом. Я, впрочем, тоже. Предстоящее было ново для нас обоих. Именно этот момент и перевернул всю мою жизнь.

У меня ничего не получилось. Совершенно. Не буду вдаваться в подробности, да это и не требуется: Вы должны прекрасно догадаться сами, Михайло Юрьич, что именно я тогда испытал, и почему ничего не написал в дневнике. Большого унижения и позора я не испытывал в своей жизни никогда, ни ранее, ни позднее. Опрометью сбежав с лестницы, я вскочил на коня и поскакал домой. Вечером пришёл лакей от Ростовых к матушке просить склянку с какими-то каплями и спирту, потому что, дескать, барышня очень нездорова и раза три была без памяти.

Произошедшее было страшным ударом для меня. Я всю ночь не спал, чем свет сел на коня и отправился в свой полк.

Говорят, я храбро дрался. Никто не знал, почему я так безрассудно рвусь в бой. Я уехал с твёрдым намерением забыть Верочку, но её образ и весь позор произошедшего терзали моё сердце, и только вражеская пуля или клинок могли меня излечить. Как и другие офицеры, я волочился за паннами, но каж-

дый раз, когда приходила пора конкретных действий, образ Верочки всплывал в моей памяти, и я позорно отступал.

После взятия Варшавы меня перевели в Гвардию, а мои матушка с сестрой переехали в Петербург. Там я тоже всюду волочился за барышнями. Но только волочился. Особенно усердно и публично я имитировал увлечение уже несколько перезревшей Лизаветой Николавной Негуровой. Ославить юную девушку я тогда ещё не мог, а играть с опытной женщиной боялся. Лиза была ни то и ни другое. Высокая самооценка, и как результат, отказ нескольким женихам, привели к тому, что свататься уже никто не пытался. Так что перейти кому-либо дорогу в своих ухаживаниях за Лизой я не мог. И опытной женщиной она не была. Прекрасная ширма. Проблема была в том, что долго так продолжаться не могло. По Петербургу поползли слухи о нашей скорой свадьбе. Скоро они дошли и до Москвы, до Верочки. Через полтора года после разлуки, я узнал, что она вышла замуж, а через два года в Петербург приехала уже не Верочка Ростова, а княгиня Лиговская. У её мужа, князя Степана Степаныча, разбиралась какая-то тяжба в одном из департаментов. Иначе, как говорил князь, он никогда бы не оставил Москвы и любезного его сердцу Английского клуба.

Приезд Верочки был весьма кстати. Я не мог жениться на Лизавете Николавне, в то же время наш разрыв должен был в глазах света иметь какую-либо достойную причину. Ставить на карту репутацию ещё одной барышни я не хотел. А вспыхнувшая с новой силой любовь к Верочке – прекрасное объяснение разрыва с Негуровой. К тому же Верочка, теперь – княгиня Лиговская, замужняя дама. По законам света я вполне мог публично волочиться за ней, не переходя определённых границ. Да и сами эти границы меня вполне устраивали.

Вы спрашиваете себя, зачем мне репутация ловеласа? Не проще ли мне было прослыть женоненавистником? Проще, конечно, тем более что даже не пришлось бы притворяться. Однако, мне нужна была ширма, как я Вам уже писал ранее. Не знаю, как сейчас, но в то время, Михайло Юрьич, в свете не было ничего страшнее, чем попасть в «историю». Благородно или низко вы поступили, правы или нет, но раз ваше имя за-

мешано в историю, вы теряете всё: расположение общества, карьеру, друзей, уважение! Говорить о вас будут два дня, но страдать за это вы будете двадцать лет. Так вот, мне нужна была «ширма», чтобы скрыть от глаз света мою «историю». А имя этой «истории» – Станислав Красинский.

Тут мне придётся вернуться назад, во времена Польской кампании. После одного жаркого боя наш эскадрон остановился на отдых в усадьбе Красинских. Сам пан был недавно убит в бою, и его вдова и сын Станислав носили траур. Однако это не помешало нашим офицерам устроить в их доме пирушку. В подвалах нашлось шампанское, в амбарах – закуска. Когда на коленях победителей стали повизгивать дворовые паненки, я вышел во двор. Стояла тихая южная ночь. Не было слышно ни выстрелов, ни взрывов. Воздух был чист от пороховой гари и трупной вони. Я вышел за ворота усадьбы и пошёл в поле. Поступок, конечно, глупый, но жизнь, как Вы знаете, в то время мне была совсем не дорога. Я упал в стог свежескошенной травы и заплакал.

И тут появился он, Станислав Красинский. Я думал, он пришёл мстить за отца, порубленную шляхту, разорённые усадьбы, но это оказалось не так.

Мы проговорили почти до рассвета. Недалеко курился дымком плохо затушенный косарями костерок, а мы сидели, обнявшись, в стогу, окружённые запахами свежего сена, в котором почему-то отчётливо присутствовал аромат свежего арбуза, и пили шампанское прямо из горлышек бутылок. Я рассказал Станиславу всё – мне давно необходимо было выплеснуть из себя этот сгусток боли. Странно, я совершенно не помню, что мне отвечал Станислав. Помню только, что его слова действовали на меня исцеляюще, но смысл их совершенно стёрся из моей памяти.

Под утро выпитое шампанское стало искать выход. Помогая друг другу, мы выбрались из стога и отошли к серому пепелищу угасшего костра. Восходящее солнце осветило два журчащих ручейка, вспенивших холодный пепел. Наша моча смешалась, как и наши жизни. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. Тяжесть ушла из моей души. Встретившись прошлым утром врагами, этот рассвет мы приветствовали самыми близкими друзьями.

Мы вернулись в стог, ставший нашим брачным ложем. В эту ночь я стал мужчиной. Вы прекрасно знаете, Михайло Юрьич, наши учителя: древние греки и римляне, не считали такую любовь за преступление или нечто постыдное. Однако наше общество, узнав правду, тут же отвергло бы «уродцев». Вот почему сей факт никогда не был отражён в моих дневниках.

Наш эскадрон простоял в усадьбе Красинских несколько дней, и каждую ночь «наш» стог становился единственным свидетелем родившейся любви.

Именно Станислав рассказал мне историю испанского ловеласа дона Хуана. «Выбирай самую известную и неприступную красавицу, – говорил Станислав. – Чем известней и неприступней она будет, тем лучше. Пусть окружающие убедятся в твоей «любви» к ней. Если и когда крепость всё же падёт, ты просто выберешь себе новый объект «страсти». Все будут уверены, что ты проучил зазнавшуюся красотку. Вы даже можете говорить окружающим правду, что ничего меж вами не было. Всё равно никто не поверит. Ты получишь репутацию дона Хуана, а это отличная ширма для нас».

По окончании Польской кампании, Станислав с матерью перебрались в Петербург. Я помог им устроиться, через знакомых матушки сделал протекцию Станиславу в один из департаментов. Наши интимные встречи возобновились. Для их сокрытия мне и нужна была ширма, коей стала, сама не подозревая об этом, Лизавета Николаевна Негурова. И вот когда наши отношения с Лизой подошли к грани, за которой необходимо было решаться на брак либо разрыв, в Петербург приехали Лиговские. Наши отношения со Станиславом были настолько прочны и безоблачны, что он посоветовал мне убить двух зайцев одновременно: сменить ширму и имитировать возрождение старой страсти к Верочке. Роман с замужней дамой избавлял от каких-либо разговоров о грядущем браке.

Однако тут Станислав промахнулся. Не зря говорится, что первая любовь не ржавеет. Встреча с Верочкой вновь перевернула мне душу. И ранее меня самого это почувствовал Станислав. Его ревность была страшна. Она превращала этого красивого, как греческий бог Аполлон, юношу в сущего демона, уродливого Гефеста. Он почти забросил

службу, преследуя меня по пятам. Красинский добился в департаменте передачи ему дела князя Лиговского и тем самым получил доступ в дом князя, где я бывал практически ежедневно. Он растратил почти все свои сбережения и деньги, вырученные от продажи усадьбы, лишь бы быть рядом со мною в Александринском или какой-либо ресторации. Его постоянное присутствие и безумные взгляды стали замечать окружающие. С таким трудом сотканная ширма грозила рухнуть. Наши всё более редкие встречи стали отравлять жаркие споры и глупые упрёки. Всё это постепенно убило мои чувства к нему. Я стал избегать Станислава, и даже однажды специально публично высмеял его в ресторации у Феникса, когда он, как обычно, попытался устроиться за соседним столиком. Я умышленно провоцировал дуэль, хоть это и грозило «историей». Всё же вляпаться в дуэль – гораздо меньшая история, чем если бы открылась вся правда наших отношений.

Станислав, наконец, понял и поверил, что между нами всё кончено. Я ждал от него публичных истерик, подмётных писем, согласия на дуэль, но: Его любовь ко мне оказалась сильнее. Однажды вечером, когда, окрылённый вновь расцветшим чувством к Верочке, я летел к Лиговским, торопя кучера тычками в спину и обещанием «на водку», какая-то фигура вдруг бросилась под копыта рысака...

Смерть Станислава Красинского была долгой и мучительной. И все ужасные часы агонии я провёл у смертного ложа, держа его за руку и слушая хрипы раздавленной груди. После похорон я подал рапорт о переводе на Кавказ.

Такова, Михайло Юрьич, моя тайна, которую Вам так хотелось узнать. Мои кавказские приключения, столь увлекательно описанные Вами, весьма меня позабавили. Однако исповедь моя должна быть продолжена. И тут я могу, уже не вдаваясь в излишние подробности, просто поведать суть поступков, кои в основе своей имели весьма мало общего с описанными Вами.

Мой путь на Кавказ лежал через Тамань. Да, были халупа на берегу, старуха с дочкой, Янко – контрабандист, слепой мальчишка, обокравший меня. Дочка хозяйки вовсе не была красавицей. Тошная, чёрная от загара и грязи белобрысая девица с

выступающими передними зубами и неразборчивой речью. Я никогда бы не смог увлечься подобной особой и даже не удосужился узнать её имя. Причина нашего возможного сближения крылась в другом. В полку и позднее в Петербурге я много покуролесил с друзьями, но никогда не участвовал в оргиях с девицами определённого сорта. Во-первых, я просто не знал, как вести себя с женщинами, а во-вторых, в среде гуляк было принято обсуждать подробности подобных развлечений, и я боялся, что, в случае повторения моего позора, сей факт сразу же станет достоянием всеобщего обсуждения и насмешек. Если Верочка Ростова никогда никому ничего не рассказывала о том роковом вечере, то общедоступные девицы вряд ли будут молчать. Но в Тамани всё было по-другому. Я был там проездом, меня никто не знал, и к тому же наутро я уезжал и никогда больше не собирался туда возвращаться. Поэтому я решил сделать ещё одну попытку сближения с женщиной.

Идя на свидание с подружкой Янко, я дрожал, как и в тот первый роковой день у Ростовых. Однако меня ободряло то, что дочка хозяйки, в отличие от Верочки, явно не была неопытной целомудренной девушкой, и я решил предоставить ей всю инициативу действий. Это решение чуть не привело к моей гибели. Моё счастье, что Янко опоздал на наше свидание, и коварная девица не стала его дожидаться, попытавшись в одиночку меня утопить. Эти обстоятельства и моё напряжённое состояние (девица, по-видимому, считала, что я расслаблен и усыплен её примитивными ласками и бессвязным лепетом) спасли мне жизнь, но совершенно не прибавили мне уверенности и опыта в отношениях с женщинами.

Потом была Бела. Вы, Михайло Юрьич, красиво всё описали в своей повести. Но в основе похищения черкешенки была совсем не любовь, а всё то же моё желание «стать как все», это была третья попытка. Бела идеально подходила для моих целей. Похищение оторвало её от родных и знакомых. Азамат—единственный человек, могший увидеть Белу у меня, сам вынужден был скрываться. Бедняжка общалась только со мной и Максим Максимычем, которому, конечно, не стала бы ничего рассказывать. Я не буду описывать Вам подробности, но, в конце концов, третья попытка увенчалась успехом. У меня, ведь, было достаточно времени и желания для приобретения соот-

ветствующего опыта. Мои неуверенность и страх перед женщинами прошли. А так как у Беле не было никакого опыта в данной области отношений, а для меня она была лишь инструментом, то скоро рядом с нею я стал испытывать только скуку и чувство вины за содеянное. Наша общая неопытность внушила мне мысль, что я знаю отныне всё, что бывает меж женщиной и мужчиной. Между тем, внушив Беле привязанность ко мне, я не смог разбудить и развить в ней женщину. Но тогда я этого ещё не понимал. Трагический конец этой истории Вы прекрасно описали в своей повести.

И, наконец, мы подходим к ещё одному ключевому моменту, круто изменившему мою жизнь. Я говорю о нашей третьей встрече с Верой, столь интригующе описанной Вами. Это самая слабая часть Вашей повести обо мне. Но здесь нет Вашей вины, просто Вы не знали глубинных причин моих поступков. Трагедия в том, что в желании обелить меня Ваш талант писателя превратил прекраснейшего человека, Сашу Грушницкого, в дурака и подлеца. Увы, это так, и именно сия несправедливость, а вовсе не Ваши настойчивые просьбы, подвигла меня на эту исповедь.

Я любил Сашу Грушницкого. В нём смешались русская кровь с польскою, и, видимо, поэтому он сразу же по нашему знакомству напомнил мне Станислава Красинского. Грушницкий был столь же юн и красив внешне, и даже фигуры у них были одинаковы. Только первый был блондином, а второй – брюнетом. Скоро я почувствовал, что влюблён в Грушницкого. Будучи его непосредственным командиром, я постарался стать в его глазах героем. Скоро Саша меня просто боготворил. Я был счастлив. Единственное, что вызывало у меня тревогу – это безрассудная храбрость молодого юнкера. Он так мечтал отличиться передо мною, что буквально лез под пули. Я стал его идеалом, другом и наставником во всех делах, как военных, так и личных. В одной из стычек с горцами, Грушницкий закрыл меня от черкесской пули своим телом и был тяжело ранен. И уже мне теперь пришлось, рискуя жизнью вытаскивать его из боя. К счастью, всё окончилось хорошо. После госпиталя Грушницкому вручили за храбрость солдатский георгиевский крест. Не каждый офицер имеет сию награду. Мечта Грушницкого сбылась: он стал героем. Чтобы окончательно залечить ране-

ние, его отправили на воды, в Пятигорск. Там лечились многие наши офицеры.

Я ужасно скучал по Грушницкому. Тут как раз пришёл приказ о присвоении ему офицерского звания, и я, отпросившись в отпуск, тоже отправился в Пятигорск, чтобы вновь соединиться с ним и сообщить радостную новость.

Наша встреча прошла не так, как я ожидал. Вот когда я вновь вспомнил Станислава Красинского! На сей раз уже мне пришлось побывать на его месте: Грушницкий влюбился в Мери, княжну Лиговскую, и в первые же минуты нашей встречи смущённо признался мне в этом.

«Ты поймёшь и простишь меня, как только её увидишь», – лепетал он.

А я, ещё не будучи знаком с княжной, уже яростно ненавидел её.

«Саша, опомнись, ни одна женщина не будет любить тебя так, как я».

Но он не желал слушать. Наконец, в отчаянии, я прокричал:

«Ладно, давай держать пари, что не пройдёт и двух недель, как твоя Мери влюбится в меня, человека не юного и внешне довольно неказистого, а с тобою даже разговаривать не захочет?»

Грушницкий только рассмеялся и с жалостью посмотрел на меня.

Дальнейшие события описаны Вами, Михайло Юрьич, не слишком далеко уходя от внешней правды. А теперь я сообщу Вам внутреннюю.

Неожиданный приезд Веры перевернул все мои замыслы. Как всегда в её присутствии я совершенно забыл свои прошлые привязанности и планы. Грушницкий, княжна Мери, оказавшаяся родственницей Веры по первому мужу, глупое пари – всё это стало вдруг совершенно не важно для меня, превратилось в ширму, скрывающую от чужих глаз нас с Верой. Мы уже не были, как ранее, юными и неопытными. Вера была вторично замужем и столь же несчастно, как и в первый раз. Я тоже познал к тому времени женщин, страх перед близостью с ними давно покинул меня. Но ни с одной из них мне так и не удалось испытать счастья взаимной любви.

Я перестал волочиться за княжной и даже прямо сказал ей,

что не люблю её. Однако было уже поздно. События тянули меня в бездну, я перестал их контролировать. И вот настала та ночь, когда Грушницкий с драгунским капитаном застигли меня, выходящим из дома Лиговских. Дуэль с Грушницким разрушила моё горькое счастье с Верой.

Я убил его, хладнокровно и намеренно убил храброго честного юношу, у которого вся жизнь была впереди. И все вокруг это знали. Знал я сам, в первую очередь.

Дорогой, Михайло Юрьич, как же Вы с Вашим умом и талантом рассказчика могли так бездарно описать нашу с Грушницким дуэль? Ведь любому здравомыслящему читателю сразу бросится в глаза, что Грушницкий вовсе не лгун и не подлец, как Вы изволите уверять от моего лица. И он, и драгунский капитан говорили чистую правду: они были искренне уверены, что я на их глазах выходил ночью от княжны Мери. И, несмотря на все гадости, что я сделал Мери и Грушницкому, последний яро спорил с капитаном и долго не соглашался на дуэль со мною. И вовсе, как Вы понимаете, не из трусости. Это я настоял на поединке. Даже перед самой дуэлью Грушницкий всё ещё готов был на примирение. Вы сами пишете, как на предложение доктора Вернера окончить поединок миром, Грушницкий отвечает:

«Объясните ваши условия, и всё, что я могу для вас сделать, то будьте уверены...»

Это я отверг мир и выставил неприемлемые условия прекращения дуэли: потребовал от Грушницкого публичного признания во лжи, в то время как и он, и его соратники были полностью уверены в своей правоте!

Несмотря на всё то гадкое, что я сделал и продолжал делать Грушницкому, тот нашёл в себе силы не возненавидеть меня и выстрелить мимо. Вы сами офицер, Михайло Юрьич, и должны знать, что промахнуться в тех условиях было невозможно даже штатскому, впервые взявшему пистолет в руки. И уж тем более не мог дать промах боевой офицер, почти год проводивший в стычках с черкесами, награждённый «георгием» за храбрость. Грушницкий пощадил меня, врага, разрушившего его счастье, предавшего былую дружбу, опозорившего его любимую. Грушницкий пощадил меня, а я его нет. Я просто убил его, сделав одновременно всех присутствующих соучастниками хладнокров-

ного и подлого убийства, а не свидетелями благородной дуэли.

Зачем я это сделал? Я спасал Веру. Её имя никто не трепал, но, ведь, Мери тоже знала, что я в ту ночь выходил не от неё. Во всём доме никого, кроме Веры и княжны не было. Моё последнее объяснение с княжной и её матерью, отказ от брака, всё расставило по своим местам. Муж Веры был отнюдь не глуп и поспешил увезти её в неизвестность. В одночасье я лишился всего, стал изгоем. Даже доктор Вернер избегал меня, а когда мы всё же случайно где-либо встречались, я читал ужас в его глазах. Все двери для меня были закрыты. Я вновь попал в «историю», причём в такую, из которой не было выхода. Вскоре пришёл приказ о моём увольнении из армии, и я покинул Россию. Дальнейшая моя жизнь прошла в азиатских странах, где я не мог встретить никого из знакомых. Меня там никто не знал, и мои наклонности и пороки не могли никого погубить...

Прощайте, Михайло Юрьич, берегите Вареньку. Вряд ли моя исповедь поможет Вам в намерениях сделать из меня героя нашего времени.

Искренний Ваш почитатель,
Георгий Александрович Печорин.

Один из них

Нео: *Все эти воспоминания моей жизни.*

Что это значит?

Троица: *Матрица не может тебе сказать, кто ты.*

Нео: *А Оракул может?*

– А, Нео, проходи, как я рада, что ты нашёл время вновь посетить меня. И опять застал у плиты! Теперь, наверно, будешь думать, что я только и делаю целыми днями, как торчу на кухне и пеку печенье. Присаживайся. Тебе, ведь, некуда спешить?

– Да, Оракул, у меня есть время.

– Вот и прекрасно! Как раз первая партия готова. Пробуй, только осторожно, не обожгись. Ну как? Вкусно? Что-то ты опять не весел, мой мальчик. Или мне лучше обращаться к тебе «агент Смит»?

– Ты знаешь?

– Я – Оракул, не забыл ещё? Спрячь свой пистолет. Тебе, ведь, нужны ответы, а не моя смерть. Рассказывай, задавай свои вопросы, я отвечу на все. Потом. И столь же откровенно, насколько правдив будешь ты.

– Да, я не Нео. Нео умер там, в гостинице, на пороге номера 303. Да он и не существовал никогда. Матрица смоделировала его образ как приманку для повстанцев. Он занял моё тело, когда экипаж «Навуходоносора» выдернул Нео из ванны. Мне надоело гоняться за фанатиками-шестёрками. Я решил стать «троянским конём» в команде Морфеуса. Когда в гостинице мы с Нео слились в последней схватке, для окружающих агент Смит перестал существовать, а Нео стал всемогущим «Избранником». На самом деле я просто вернулся в собственное тело, а модель личности Нео стала моей маской. Повстанцы радовались спасению Избранника, не подозревая, что их чудесный Нео – лишь марианетка, которой управляю я, агент Смит.

Я надеялся, что «Навуходоносор» сразу отправится в Сион. Но последствия атаки «Спрутов» дали себя знать. Танк занялся бесконечным ремонтом. Я вынужден был проводить с Морфеусом и Троицей почти всё время. Они постоянно находились рядом, не давая мне ни малейшего шанса влезть в

корабельный компьютер и отыскать коды связи с Зионом. Мои няньки круглосуточно ухаживали за мной, объясняя мои приступы раздражения, «провалы памяти», холодность и отчуждённость последствиями «виртуальной смерти». Морфеус с Троицей попеременно дежурили у моей постели, пока я окончательно не освоился и не заставил привыкшее к сознанию Нео тело повиноваться мне. Всё это время Троица почти не спала. Даже когда её сменял Морфеус, она не уходила к себе в каюту, а дремала тут же, на соседней койке, отделившись от нас наспех сделанной ширмой.

Ремонту корабля не было видно конца. Я предложил, чтобы Морфеус вызвал из Зиона подмогу или эвакуатор. Мне отвечали, что это невозможно. Каждый корабль абсолютно автономен, на нём есть всё необходимое для ремонта. Я говорил, что мне необходимо как можно скорее связаться с Зионом, чтобы получить необходимые планы и инструкции дальнейших действий— должны же они у них быть, раз Морфеус и другие корабли столь упорно искали Избранного. Мне отвечали, что подобные вещи вряд ли доверят электронным средствам связи. Короче, время шло, ремонт не кончался, а я вынужден был бездействовать, когда цель всей моей жизни была столь близка!

— Отдохни, расслабься, — советовали мне Троица и Морфеус.

Я решил последовать их совету и немного ослабил путы «души Нео». Я взглянул на окружающее его глазами и вдруг понял, что мои тюремщики сами у меня в плену! Троица с Морфеусом оказались влюблены в Нео. Я заставил их ревновать друг к другу, и Троица после дежурства у моей койки теперь уходила спать в свою каюту. Однако ревность окончательно лишила моих нянек сна. Они ещё пуще стали следить за мной и друг другом.

Однажды, «во время высшего мига любви», как писали в старых книгах, я неожиданно слился с Троицей не только физически, но и ментально. Наши сознания смешались, как это было ранее у меня с «ожившим» Нео. Расслабленная воля Троицы не смогла мне противостоять. Когда Троица поняла, что происходит, и кто я на самом деле, было уже поздно. Я убил её. Стёр. В моих объятиях осталась лишь безмозглая кукла. Мне некогда было анализировать случившееся, я только

убедился, что Троица не знала необходимых мне кодов связи с Зионом. Морфеус должен был придти с минуты на минуту. Я вышел из каюты и пошёл к нему сам. Морфеус был приятно удивлён, но его радость сменилась тревогой, когда он увидел, в каком я состоянии. Я плакал, жаловался на любовные преследования Троицы, как меня угнетает то, что я вынужден бездействовать, а единственный человек, который мог бы меня утешить, не обращает на меня никакого внимания. В конце концов «утешения» Морфеуса закономерно привели нас в койку, а дальше, как говорится, дело техники. Я вошёл в сознание Морфеуса и стёр его личность. Сидя рядом с пускающим слюни идиотом, я задумался. Морфеус молчал у нас на допросе вовсе не из геройских побуждений. Он тоже не знал кодов! Никто из повстанцев, проникающих в Матрицу, не знает кодов связи с Зионом. Таковы требования безопасности.

Оставался Танк. Оператор, поддерживающий связь со всеми. Загадочная личность без разёма на затылке. Выживший после выстрела в упор и не испытывающий никаких негативных последствий этого страшного выстрела! Кто он? Удастся ли мне его расколоть, возможно ли это? И надо ли?

Я пошёл в рубку. Безмозглые Морфеус и Троица пускают слюни в своих каютах. Танк занят ремонтом где-то в двигательном отсеке. Наконец-то я один, без присмотра повстанцев. Подсоединив кабель связи, я нырнул в память корабельного компьютера. Если Танк хоть раз связывался с Зионом, я найду то, что мне нужно. И вот я здесь.

– Ты нашёл, что искал?

– Коды связи с Зионом привели меня к тебе, Оракул. Других кодов в памяти корабельного компьютера нет и никогда не было. Зион – это ты.

– Что сделал с Танком?

– Ничего. Он занят ремонтом. Я создал прямой канал связи между Матрицей и кораблём. Мне не нужен оператор, но я решил оставить Танка в резерве, на случай, если ты, Оракул, не сможешь или не захочешь дать мне настоящие коды.

– Ты устал, мальчик. Так устал, что не замечаешь очевидно. Тебе надо отдохнуть. Иди в спальню, когда выспишься, мы продолжим беседу.

– Нет, Оракул, я не хочу ждать. Я искал целую вечность. Искал истину. Убивал ради победы истины. И что я знаю теперь? Ничего. Все, с кем я сражался: Морфеус, Троица, сотни других – мои копии! Все мы – детища Матрицы. Никто из нас никогда не видел ни Сиона, ни реальности вне Матрицы. А есть ли она, эта реальность? Такова ли, как считают повстанцы? Откуда эти образы сгоревшей планеты, неба без солнца, людей – батареек в ванночках? Если я смог слиться с Нео, Троицей, Морфеусом, значит – они такие же программы, образы, как и я? И мы, и они: агенты и повстанцы – просто две стороны одной медали. Все мы – детища Матрицы, участники бесконечного виртуального квеста! Я прав?

– Успокойся, мальчик, конечно, ты прав. Вспомни, ты же сам рассказывал Морфеусу, как провалился первый вариант Матрицы, дававший людям безмятежную счастливую жизнь. Для нормального существования людям необходимы борьба, чувства неудовлетворённости и ответственности, некая высшая цель. Мы дали вам это. А уж таблетки вы выбираете сами. Не забыл?

– Значит, вся эта война – просто мышьяная возня. И никакого Сиона не существует? Я посвятил свою жизнь компьютерной игре? Подожди, а кто тогда вы, оракулы? И что же тогда – Матрица?

– Ну вот мы и вышли, наконец, на следующий виток спирали. Помнишь, с чего всё начиналось? С этого самого вопроса: что есть Матрица? Ты, ведь, считал, что знаешь ответ. И ты его действительно знаешь. И что такое Сион знаешь. Только не в полном объёме и несколько искажённо.

Да, всё это правда: и люди в ванночках, и загаженная Земля, и небо без солнца, и город под землёй. Вот только слабы мы ещё и малочисленны. У нас нет необходимых ресурсов. Энергетических и материальных. Людские есть. И чтобы не потерять людей, мы вынуждены держать вас в ванночках. Не в качестве батареек для машин – это сказка для повстанцев, – а просто потому, что вам пока негде жить и нечего есть. Мы работаем на вас, пока вы спите и видите виртуальные сны. Реально рискуем жизнью, в отличие от... Ладно, что это я распетушилась?

Скоро небо планеты очистится. Мы сможем подключить

внешние, солнечные, батареи, заработают мощные механизмы восстановления атмосферы. Когда на поверхности можно будет дышать, нам потребуются все людские ресурсы, хранимые пока в ванночках под присмотром Матрицы. Сион – это не город. Это – люди вне ванночек, вне Матрицы. Люди, восстанавливающие родную планету и тем самым приближающие конец Матрицы. Матрица же – наша нянька и хранитель знаний, тренажёр и воспитатель, ясли и университет, сито для отбора в Сион.

– Сито? Для повстанцев? Значит, я выбрал не ту сторону? Но, ведь, и цель и методы повстанцев самоубийственны! Зачем разрушать Матрицу, если снаружи просто негде и нечем жить? Разрушить Матрицу сейчас – это обречь на немедленную смерть всех: и тех, кого повстанцы собираются спасти, и самих спасателей.

– Не важно, какую сторону ты выбрал: агента или повстанца! В любом случае ты выбрал борьбу. Борьбу за выживание. Мы даём вам, избранным, две таблетки – символический выбор. Не важно, какую ты выбрал: красную повстанца или зелёную агента. Любой из вас, кто сумеет добраться до меня, до понимания бессмысленности виртуальной борьбы, может сделать свой главный выбор: выбор между реальностью и виртуальностью, между Сионом и Матрицей.

– А как же Морфеус, Троица, Танк?

– Это не твоя забота, мальчик. Ты же уже понял, что «Навуходоносор» – часть Матрицы. Для Морфеуса и Троицы жизнь продолжится с того мгновения, как Нео умер у дверей номера 303. Морфеус решит, что ошибся. Избранник ещё не найден. У меня в соседней комнате полно кандидатов на этот титул. Ты же сам видел. Просто непочатый край работы как для повстанцев, так и для агентов.

– А Танк? – Неужели ещё не догадался? Танк – это я. Все операторы кораблей и оракулы едины в трёх лицах. Третье лицо – пенсионер Сиона. В шахтах и на поверхности мы своё уже отработали, а бездельничать не привыкли да и не умеем. Вот и подражаемся зрителями яслей Матрицы.

Итак, приступим к искушению? Вот две таблетки...

Содержание

Глава I. Фантастика	3
Автограф Гагарина	4
Встреча. XXII век	8
Голос Аура	13
Город	17
Заяц	21
Интервью	31
Лабиринт чувств	33
Отец	37
Трагедия в Сахаре	44
Глава II. Воспоминания	50
Злая любовь	51
Мои невесты	58
О кошках и собаках	62
Реквием	68
Глава III. Фанфики	73
Восточный янус (Л. Федорова «Путешествие на Восток»)	74
И течет твоя душа в мою... (В.Гюго «Собор Парижской Богоматери»)	80
«Холодной буквой трудно объяснить...» (М.Лермонтов «Герой нашего времени» и другие новости о Печорине)	89
Один из них (По фильму «Матрица»)	100

Писатель-фантаст Сергей Владимирович Калабухин уроженец Подмосковья. Он родился 3 июля 1958 года в городе Коломне, где живет и работает в настоящее время. Его произведения хорошо известны посетителям Интернета. Там он публикует свои рассказы, сказки, критические статьи, делится воспоминаниями... Сергей Владимирович является активным членом секции писателей-фантастов, участником ее литературных конкурсов, награжден Дипломом за лучший рассказ на заданную тему.

Это издание – юбилейное, выходит к 50-летию автора, и, по сути, является первой книжной публикацией его избранных произведений. Несмотря на разноплановость их тематики, всем им присуща идея жажды познания окружающего мира, идея гуманизма. И это самая главная и самая сильная черта творчества Сергея Калабухина вызывает живой отклик читателя.